

И. ЛИНДЕР

А. Моисеич

и

ШАХМАТЫ

И.ЛИНДЕР

Л. Шелстои
и
ШАХМАТЫ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
• ФИЗКУЛЬТУРА И СПОРТ •
МОСКВА 1960

ПРЕДИСЛОВИЕ

Нередко представляют себе Льва Николаевича Толстого в жизни строгим моралистом, занятым только вопросами философии, морали, религии, общественной жизни и т. д. Между тем, Толстому ничто человеческое не было чуждо. Несмотря на непрерывный, упорный, почти беспримерный в своей настойчивости и строгости к самому себе писательский труд, Лев Николаевич ни в какой мере не был кабинетным человеком. Толстого радовало всякое проявление веселья, он увлекался гимнастикой, коньками, велосипедным спортом, любил всякую игру — городки, теннис, крокет. Но особенно он любил шахматы. Эту любовь, этот интерес к шахматам Толстой пронес через всю жизнь, от юных лет до глубокой старости. Последние партии в шахматы он сыграл за два-три дня до своего «ухода» в октябре 1910 года.

Книга И. Линдера очень удачно совмещает рассказ об отношении Льва Николаевича к шахматам с рядом очерков о различных этапах его жизни. Автор использовал многочисленные биографические материалы о Толстом, частью известные, частью известные мало, некоторые же обнаружены автором впервые. Особенно подробно и интересно освещены в книге отношения Толстого и его друга, товарища по Севастопольской обороне С. С. Урусова.

Книга написана живо, хорошим языком и с интересом будет прочитана как шахматистами, так и самым широким кругом читателей.

А. Гольденвейзер

23 марта 1960 г.

*Памяти матери моей
Софьи Львовны Линдер
посвящаю эту книгу.*

ВВЕДЕНИЕ

В настоящее время, когда интерес к шахматам стал поистине всенародным, становится все более очевидной их культурно-воспитательная роль. Шахматы оказывают благотворное влияние на человека, служат своеобразной умственной гимнастикой, способствуют воспитанию воли, характера и т. д. На это еще в прошлом столетии обратили внимание многие выдающиеся деятели русской культуры.

Любил проводить часы досуга за этой игрой А. С. Пушкин, в библиотеке которого было несколько шахматных книг, в том числе учебник первого русского мастера А. Д. Петрова с дарственной надписью.

И. С. Тургенев встречался за шахматной доской с мастером И. С. Шумовым, выписывал шахматные журналы и, находясь в Париже, принимал даже участие в шахматных состязаниях с известными иностранными шахматистами.

Еще в студенческие годы увлекся шахматной игрой Н. Г. Чернышевский, а в 1862 году он был одним из основателей Петербургского шахматного клуба.

Недавно обнаружены и опубликованы новые документы, свидетельствующие о большом интересе к шахматам Д. И. Менделеева. Он внимательно следил за успехами своего соотечественника — великого шахматиста М. И. Чигорина. «Для меня, — говорил Д. И. Менделеев, — наука, как игра в шахматы. Ну, вот нравится проводить время в таком занятии».

Особое место занимали шахматы в жизни и творчестве Льва Николаевича Толстого, гениального русского писателя, отразившего в своих произведениях целую эпоху в истории России XIX—XX вв.

Л. Н. Толстой отличался исключительным многообразием знаний и интересов, самобытностью мышления и

необычайной широтой охвата жизни в своих художественных творениях. Как-то во время чтения «Войны и мира» В. И. Ленин говорил о нем А. М. Горькому:

«Какая глыба, а? Какой матерый человечище! Вот это, батенька, художник...»¹

Матерый человечище! Эти слова невольно вспоминаются и тогда, когда мы знакомимся с многочисленными фактами, характеризующими постоянный интерес Л. Н. Толстого к шахматам. Можно лишь поражаться тому, как мог писатель, специально не занимавшийся изучением шахмат, подчас так глубоко проникнуть в психологию игры, сделать в этой области столько интересных наблюдений и высказать немало оригинальных мыслей.

Шахматы были добрым спутником писателя на протяжении всей его жизни. Даже в период самой напряженной литературной работы и кипучей общественной деятельности писатель не упускал возможности сыграть шахматную партию. В последние годы жизни бывало не проходило дня без игры в шахматы. Партнерами его в течение более полувека были И. С. Тургенев, С. И. Танеев, А. Б. Гольденвейзер, И. Е. Репин и другие русские писатели, художники, музыканты. Во время знаменитой Севастопольской обороны 1854—1855 годов Толстой познакомился с известным шахматным мастером С. С. Урусовым и нередко встречался с ним за шахматной доской. Впоследствии С. С. Урусов стал одним из близких друзей писателя.

Л. Толстого интересовала, главным образом, практическая игра, теорией он занимался немного и, в основном, в юные годы. Иногда он с удовольствием анализировал отложенные партии и выказывал даже склонность к игре по переписке. Шахматы порой были предметом размышлений Л. Н. Толстого и в часы, когда он непосредственно не проводил время за шахматной доской. Об этом свидетельствуют записи и дневники писателя, письма к родным и друзьям, воспоминания современников.

« Не случайно шахматные мотивы встречаются в литературных и публицистических произведениях Толстого. Много раз, в частности, упоминаются шахматы в одном из лучших произведений мировой художественной литературы — романе «Война и мир».

Эти факты позволяют не только широко раскрыть интерес Толстого к шахматам. Они способствуют более углублен-

ному пониманию места шахмат в жизни человека, их культурно-воспитательной роли.

Еще в последние годы жизни Л. Н. Толстого в печати появились отдельные заметки и материалы, в которых рассказывалось о шахматных сражениях в Ясной Поляне. Позднее аналогичные сведения приводились во многих воспоминаниях современников. Любопытные факты сообщали в своих статьях и книгах постоянные шахматные партнеры Льва Николаевича С. Л. Толстой, А. Б. Гольденвейзер и Э. Моод, рассказавшие о сильном увлечении Толстого шахматами.

Необходимость исследования этой стороны жизни и деятельности Л. Н. Толстого была ясна уже первым советским шахматным историкам. Так, в статье А. Новикова «Толстой и шахматы», помещенной в шахматном журнале «64» в 1928 году, подчеркивалось: «Тема Толстой-шахматист настолько обширна и ответственна, а материал настолько громаден, что эта сторона биографии Л. Н. должна быть подвергнута отдельному добросовестному и тщательному изучению. На это потребуются, вероятно, многие месяцы, но благодарность задачи с лихвой окупит затраченное время» (38, 7)*.

В своей небольшой хрестоматии «Шахматы в жизни русских писателей» (1933 г.) историк М. С. Коган специальный раздел посвятил Л. Н. Толстому. Пять лет спустя в книге «Очерки по истории шахмат в СССР» он поместил очерк о Толстом, раскрывающий, хотя и недостаточно полно, отношение писателя к шахматам в тот или иной период жизни.

В настоящей работе сделана практически первая попытка развернутого анализа материалов, характеризующих роль шахмат в жизни и творчестве Л. Н. Толстого. Эта роль, естественно, становится более понятной и ясной на общем фоне его жизненного пути. Поэтому в книге дается очень краткая — лишь в той мере, в какой требовал материал, — характеристика этого пути. По той же при-

* Первая цифра показывает порядковый номер источника, названного в библиографии (стр. 91—93), вторая — страницу. Все цитаты из произведений, писем, дневников и записных книжек Л. Н. Толстого приводятся по Полному собранию сочинений, в скобках указаны том и страницы. При использовании архивных материалов в скобках даны сокращенные наименования музеев (ГМТ, ГЦММК, ЯП). В остальных случаях источники названы в примечаниях.

чине приходилось иногда выходить за рамки чисто шахматных вопросов при описании дружбы Л. Н. Толстого с С. С. Урусовым, тем более, что в литературе эта интересная страница в жизни писателя еще не получила достаточного освещения. Рассмотрены не использованные в специальной литературе факты и примеры, взятые из законченного недавно издания 90-томного Полного собрания сочинений Л. Н. Толстого. В книгу, кроме того, вошли ранее нигде не публиковавшиеся архивные материалы, изученные автором в Государственном музее Л. Н. Толстого (ГМТ). Некоторые новые данные найдены, в частности, при изучении писем С. С. Урусова Л. Н. Толстому и его жене, неопубликованных записок Д. П. Маковицкого, а также в яснополянской библиотеке.

Автор благодарен научным сотрудникам ГМТ и архивного фонда этого музея, музея-усадьбы «Ясная Поляна» за их содействие в поисках новых материалов, а также народному артисту СССР, профессору А. Б. Гольденвейзеру, любезно поделившемуся своими воспоминаниями о Л. Н. Толстом, и всем товарищам, которые взяли на себя труд ознакомиться с этой работой накануне ее выхода в свет.

•

ПРЕДМЕТ, ТРЕБУЮЩИЙ РАЗМЫШЛЕНИЯ

Дети, начиная играть в шахматы, конечно, не задумываются над тем, полезна ли эта игра. Их восприятие еще слишком непосредственно: игра им нравится, хотя она приносит не только большие радости, но и, увы, не меньшие огорчения.

Иное дело в юношеские годы: изучению игры в этом возрасте нередко предшествуют продолжительные размышления о путях совершенствования своих способностей. От товарищей или из книг юноши узнают о благоприятном воздействии шахмат на человека, после чего с упорством стремятся овладеть тайнами древней игры. Подобные примеры известны из жизни ряда выдающихся людей. Так произошло, например, с Н. Г. Чернышевским. В студенческие годы он с помощью своих однокурсников научился играть, протудировал учебник Петрова и на всю жизнь проникся любовью к шахматам.

Нечто подобное произошло, по-видимому, и с Львом Николаевичем Толстым. До нас не дошли сведения об игре его в шахматы в детские и отроческие годы. Первые упоминания о шахматах мы находим в автобиографических записях Л. Н. Толстого, относящихся к январю — марту 1847 года². Толстому было тогда 18 лет.

То было время напряженной умственной работы Толстого. Его тяготят светские развлечения и удовольствия. Он испытывает неудовлетворенность оторванными от жизни занятиями в Казанском университете, много читает, особенно увлекается произведениями французского просветителя Руссо. Толстой думает о своей жизни, ищет пути морального совершенствования. Он составляет для себя

особые правила поведения в жизни — «Журнал ежедневных занятий», начинает писать «Дневник», который с небольшими перерывами ведет до последних дней своей жизни (почти 64 года!).

Именно в эту пору и пробудился у Толстого интерес к шахматам. По всей вероятности, увлечению шахматами способствовал пример хорошо игравшего старшего брата Николая, которого Л. Н. Толстой очень любил и уважал.

Не исключено, что известную роль тут сыграли и произведения Руссо. «Я более чем восхищался им — я боготворил его,— говорил впоследствии Толстой о Руссо.— В 15 лет я носил на шее медальон с его портретом вместо нательного креста. Многие страницы его так близки мне, что мне кажется, я их написал сам» (т. 46, стр. 317—318).

Руссо сильно увлекался шахматной игрой. По его собственному признанию, была пора, когда он проводил дни и ночи за изучением книг Филидора и других шахматистов. Неудивительно поэтому, что в произведениях Руссо говорилось много хорошего о шахматах: Вот что, например, писал он в своей «Исповеди»: «У меня было еще одно не менее надежное средство — это шахматы, которым в те дни, когда я не шел в театр, я регулярно посвящал у Можи все послеобеденное время. Там я познакомился с де-Легалем, с неким Юссоном, с Филидором, со всеми крупными шахматистами того времени, но сам не стал от этого искусней. Я, однако, не сомневался, что стану в конце концов сильнее их всех, и полагал, что это будет для меня достаточным источником существования»³.

Толстой, естественно, иначе мотивировал свое желание заняться шахматами. В своих «Правилах для развития воли» будущий писатель подчеркивал, что он намерен «устремлять свое внимание только на такие предметы, которые требуют размышления». А в «Правилах для развития умственных способностей» (март — май 1847 г.) он писал, что для одной из главных умственных способностей — представления — «очень полезны... все игры, требующие соображения». В том же году в его «Дневнике» говорилось: «Заставь постоянно ум твой действовать со всею ему возможною силою».

Эти высказывания раскрывают, по-видимому, те предпосылки, которые привели Толстого к мысли серьезно заняться шахматной игрой. Становится понятным, почему в «Журнале ежедневных занятий» (январь — июль 1847 г.),

где была сделана попытка строго по часам регламентировать каждый день жизни, большое внимание уделяется шахматам.

Журнал этот представлял собой тетрадь, на страницах которой под графой «Будущее» проставлялись часы и предметы занятий, а под графой «Прошедшее» отмечалось исполнение. Начиная с 6—7 часов утра и до 8—10 часов вечера предусматривались занятия 3—4 предметами. В марте — апреле это были обычно иностранные языки, учение наизусть, сочинения и шахматы. Так, за 22 марта (первая дата упоминания о шахматах у Л. Н. Толстого) мы читаем: «4 до 6 шахматы, понимается». А на следующий день было намечено: с 10 до 12 сочинения, 12 до 4 шахматы, 4 до 8 английский. Однако, подводя итоги дня, автор в графе «Прошедшее» неудовлетворенно заметил: «Английский и шахматы, и то скверно». О шахматах упоминается каждый день с 26 марта по 6 апреля, с 9 по 11 и 13 апреля. И всегда против этого предмета стояла отметка «исполнил». Обычно на шахматы отводилось 3 часа; начиная с 30 марта, это были, как правило, утренние часы — с 9 до 12.

В «Журнале» не раскрыт характер шахматных занятий. Правда, оценка «понимается», данная Толстым своим шахматным урокам 22 марта, позволяет сделать предположение, что он в это время лишь приступал к изучению шахмат. По всей вероятности, наряду с практической игрой Толстой какое-то время посвящал в ту пору и теории. Впоследствии писатель говорил об этом периоде: «Когда меня интересовывал какой-нибудь вопрос, то я не уклонялся от него ни вправо, ни влево и старался познакомиться со всем, что могло бросить свет именно на этот один вопрос. Так было со мной в Казани»⁴.

Кто же был шахматным партнером Толстого в Казани? Об этом имеется лишь одно упоминание в «Дневнике» за 7 апреля 1847 года. То была, между прочим, первая его дневниковая запись. В ней говорится: «Я никогда не имел дневника, потому что не видал никакой пользы от него. Теперь же, когда я занимаюсь развитием своих способностей, по дневнику я буду в состоянии судить о ходе этого развития». Далее мы читаем: «...Через неделю ровно я еду в деревню. Что же делать эту неделю? Заниматься английским и латинским, римским правом и правилами... окончить правила внутреннего образования и отыграть потерянное Лиле в шахматы».

По мнению некоторых исследователей, в данном случае речь шла о Елизавете Модестовне Молоствовой, сестре Зинаиды Модестовны — «первой любви» Л. Н. Толстого⁵.

23 апреля Толстой оставил юридический факультет Казанского университета и уехал в Ясную Поляну, в свое родовое имение. В начале 1849 года Толстой едет в Москву и затем в Петербург.

В «шахматной биографии» Толстого 1848—1850 годы выглядят как белое пятно. Вполне возможно, что и тогда у него были встречи за шахматной доской с приятелями и знакомыми в Москве и Петербурге. Но об этом история хранит молчание.

ОБЫЧНЫЙ ОБРАЗ ЖИЗНИ

Шахматы по своему духу — это борьба. На доске противостоят друг другу «неприятельские» войска: пехотинцы (пешки), офицеры (слоны), кавалерия (кони) и даже главнокомандующий (ферзь)! Может быть, поэтому шахматная игра еще в прошлом веке пользовалась известной популярностью в русской армии...

Страстным любителем шахмат был офицер Николай Николаевич Толстой. Это был человек, чье сердце было всегда добрым, а ум преисполнен фантазии и мечтательности. Он пользовался уважением среди товарищей, был любим близкими, родными и друзьями. Его импровизированные сказки западали глубоко в душу Льва Николаевича.

Л. Толстой восторгался братом и всегда был рад его приезду. Вот и сейчас, в конце декабря 1850 года, он поспешил к сестре в Покровское, где остановился Николай Николаевич, приехавший с Кавказа в долгосрочный отпуск. Л. Толстой рассказал брату о своей праздной светской жизни, которой так тяготился, поведал ему свои сомнения и мечтания. Льву Николаевичу было приятно раскрыть себя перед братом, который его прекрасно понимал и сочувствовал ему всей душой. Они любили уединяться и беседовать вдвоем. Нередко они играли друг с другом в шахматы.

Найдя брата в состоянии душевного беспокойства, постоянного недовольства собою, Н. Толстой пригласил его поехать вместе на Кавказ. Может быть, долгий путь, новые люди, красивая природа — одним словом новые

впечатления, благотворно повлияют на него. Лев Николаевич ответил согласием.

В начале июня Л. Толстого можно было уже застать в станице Старогладковской, на левом берегу Терека. Здесь была стоянка 20-й артиллерийской бригады, в которой служил его брат.

Огромное впечатление произвела на Толстого природа Кавказа и его жители — казаки и горцы. Сколько чувств рождали в душе Толстого впечатления от жизни, в которой так необыкновенно переплетались красота природы, война, неукротимая любовь людей к свободе! «Ночь ясная, свежий ветерок продувает палатку и колеблет свет нагоревшей свечи. Слышен отдаленный лай собак в ауле, переключка часовых. Пахнет засыхающими дубовыми и чинаровыми плетями, из которых сложен балаган. Я сижу на барабане в балагане. Передо мной ярко освещенная сторона балагана, на которой висит пистолет, шашки, кинжал... Тихо. Слышно — дунет ветер, пролетит букашка, прокружит около огня и всхлипнет и охнет около солдат» (55, 300).

Сначала волонтером, а затем «фейерверкером 4-го класса» принимает Толстой участие в военных действиях. Затем почти два месяца безвыездно живет в Старогладковской. Он чувствует большой прилив творческих сил, пишет повесть «Детство», занимается гимнастикой и фехтованием, ходит на охоту. Часто играет он в это время в шахматы с приятелями-офицерами и братом.

20 марта 1852 года он записывает в «Дневнике»: «Янович так мне нравится своей добродушной, откровенной скромностью, что в несколько дней привык к нему, как к старому знакомому. Я с ним играл в шахматы рассеянно и торопливо...»

Но чаще его партнером был Н. Н. Толстой. Три дня спустя он писал: «Пришел брат, играл в шахматы, пошел ужинать... Теперь 1-й час, ложусь спать». 1 апреля он снова упоминает об игре с Николаем: «После обеда нашел брата у себя, играл в шахматы, потом писал».

Об этом же Лев Николаевич писал и своей тетке, Татьяне Александровне Ергольской. В письме от 30 мая есть такие строки: «Вернувшись из похода, я провел с Николенькой 2 месяца в Старогладковской. Вели мы наш обычный образ жизни: охота, чтение, разговоры, шахматы».

Два года прослужил Л. Н. Толстой на Кавказе и проявил себя отважным воином. За храбрость в опасных

операциях он был представлен к награждению георгиевским крестом. Но по разным причинам ему так и не дали этой награды. Одной из этих причин были... шахматы. Л. Толстой должен был находиться на карауле на острове, где стояли орудия. Вместо этого он с увлечением до поздней ночи играл в шахматы с одним из офицеров. Дивизионный начальник, не найдя его на карауле, объявил ему выговор и отдал приказ об аресте. «По приказанию Г. начальника артиллерии чеченского отряда,— говорилось в нем,— арестовывается командующий батареей взводом фейерверкер 4-го класса граф Толстой». Так лишился Толстой заслуженной награды (т. 46, стр. 418).

В целом же кавказская пора в жизни Толстого была весьма счастливой и творчески плодотворной. В дальнейшем Лев Николаевич всегда с удовольствием упоминал о годах, проведенных на Кавказе. «Он часто говорил мне,— писала С. А. Толстая,— что лучшие воспоминания его жизни принадлежат Кавказу. Он много там читал, переводил Стерна, играл в шахматы с братом и офицерами; вел самую чистую, спокойную, нравственную жизнь... Потом охота и природа доставляли ему огромное наслаждение. Но главное, на Кавказе он начал в первый раз свою авторскую деятельность» (57, I, 50).

Если вскоре по приезде на Кавказ он писал: «Мне 24 года, а я еще ничего не сделал», — то уезжал он оттуда уже вставшим на новый, наконец найденный им путь литературной деятельности. Здесь он написал свои первые крупные художественные произведения — повести «Детство», «Отрочество», военные рассказы «Набег», «Рубка леса» и начал повесть «Казачи».

ДРУЖБА С ШАХМАТНЫМ МАСТЕРОМ

В начале 1854 года Толстой вернулся в Ясную Поляну. Отсюда он вскоре направился в действующую Дунайскую армию, а с 7 ноября — в Севастополь, героически оборонявшийся против превосходящих сил Англии, Франции, Турции. Толстой участвовал в тяжелых боях на четвертом бастионе.

Восхищенный бесстрашием русских солдат, он снова берется за перо и пишет свои знаменитые севастопольские рассказы. Они проникнуты любовью к защитникам Сева-

*Л. Н. Толстой со своим братом Николаем перед отъездом на Кавказ,
Фото 1851 г.,*

стополя, ненавистью к войне, несущей людям страдания и смерть. Много думает Толстой о своей жизни. Его все больше тяготит военная служба. «Моя карьера литература— писать и писать!» — отмечает он в своем дневнике 10 октября 1855 года.

И в Севастополе Толстой нередко проводил время за шахматами. На этой почве он сблизился с офицером Сергеем Семеновичем Урусовым, известным русским шахматистом.

С. Урусов был годом старше Толстого. Вот портрет Урусова по воспоминаниям старшего сына Толстого Сергея Львовича: «Сергей Семенович был человек необыкновенный. По внешности он был громадного роста... почти великан. Несмотря на свой рост, он носил сапоги с большими каблуками. В то же время он был хорошо сложен и красив. А по своему характеру он был человек прямой, решительный, импульсивный, бесстрашный, вспыльчивый, гордый, своеобразный и крайне самолюбивый. Отец особенно ценил в нем его искренность и самобытность мышления; он называл его «Selbstdenker» — человеком, мыслящим по-своему и для себя» (53, 335).

После окончания Петербургского кадетского корпуса С. Урусов прослужил некоторое время в конной гвардии, а в 1852 году вышел в отставку, женился и поселился в Москве, а позднее в подмосковном поместье жены селе Спасском, недалеко от Троице-Сергиевской лавры (Загорска).

Еще в кадетском корпусе С. Урусов серьезно увлекся шахматами и в короткое время добился больших успехов. В тот период шахматное искусство в России было представлено рядом крупных имен. Сильнейшим мастером единодушно признавался А. Д. Петров, автор первого оригинального шахматного руководства на русском языке, высказавший ряд новых, прогрессивных идей в теории шахматной игры, пионер отечественной шахматной композиции, талантливый шахматный литератор. Его друг петербургский мастер К. А. Яниш был составителем знаменитого «Анализа начал шахматной игры», получившего международное признание. Французский журнал «Palamède», публикуя отрывок из этого произведения («Анализ Русской партии, или защиты Петрова»), отмечал: «После внимательного изучения этого труда можно сказать словами Вольтера: с севера к нам идет свет!» В конце 40-х годов в Петербурге

выдвинулся новый шахматный мастер — морской офицер И. С. Шумов.

Урусов внимательно изучал труды и партии этих шахматистов. А в начале 50-х годов он вступил с ними в борьбу за первенство. Первые встречи с Шумовым закончились для него плачевно. Но это не смутило молодого шахматиста. Он играет тренировочные матчи со своим младшим братом Д. Урусовым, в то время одним из лучших петербургских шахматистов, выигрывает матчи у сильного московского игрока Бина, ученика Яниша. В 1853 году он проигрывает небольшой матч Петрову ($-2=2$), но зато в следующем году одерживает победу в состязании с Шумовым ($+12-9$). Его партии, нередко завершавшиеся блестящими комбинационными финалами, стали печататься в иностранных шахматных журналах, где получили высокую оценку.

С. Урусову во что бы то ни стало хотелось быть первым. И он с еще большей настойчивостью стал заниматься теорией, совершенствовать свое шахматное мастерство.

Незадолго до Крымской войны Урусов вновь поступил на военную службу. В Севастополь он приехал вскоре после Инкерманского сражения и сразу же попал на 4-й бастион, который с первых месяцев осады был основным объектом неприятельской атаки. Здесь-то он и подружился с Толстым.

По воспоминаниям современников, Урусов во время героической эпопеи выказал чудеса храбрости. Это не раз подтверждал впоследствии и Толстой. Во время одной из перестрелок Урусов был ранен в грудь. За военные способности, решительность и бесстрашие он был назначен впоследствии командиром Полтавского пехотного полка. Под его начальством полк блестяще отбил атаку французов на второй бастион (в июне 1855 года). За храбрость он был награжден офицерским георгиевским крестом.

Рассказы участников обороны Севастополя о ратных подвигах Урусова дополняются интересными шахматными эпизодами. Однажды во время артиллерийского обстрела позиций Урусов хладнокровно играл три партии, не глядя на доску. Обстановку этого необычного сеанса хорошо передал В. И. Барятинский: «Все следили с напряженным вниманием за игрою, была мертвая тишина, слышны были только голоса тех, которые объявляли о ходах той или другой стороны. Надобно заметить, что во все это время

присутствовавшие подвергались довольно большой опасности, потому что конгревовы ракеты, пускаемые с английских батарей на Инкерманских высотах, направлялись каждый вечер на пункт, где мы находились... Несмотря на сильные сотрясения, с треском и шумом, от этих ракет, Урусов продолжал невозмутимо свою тройную игру, похлебывая при сем по глотку из стакана чая... Состязание кончилось далеко за полночь. Урусов выиграл две партии, один из его противников — одну»⁶.

Не раз встречался Урусов за шахматной доской с Толстым. Иногда для уравнивания шансов мастер давал своему партнеру вперед коня. Оба они играли в остром, комбинационном стиле, и партии их были интересны. Эти встречи не проходили для Толстого бесследно: он чувствовал, что стал играть лучше. К тому же Урусов рассказывал ему много интересного о шахматной жизни в Петербурге и за рубежом.

Как только появлялась возможность, Толстой посещал своего приятеля. В дневнике за 10 октября 1855 года он, например, записывает: «Еду к Урусову».

Толстой все более и более тяготился пребыванием на военной службе. Она противоречила всем его взглядам, мыслям, настроениям. «Необходимо выдти из вредной для меня колеи военной жизни», — пишет он 27 октября. Наконец, такой случай представился, и в начале ноября он выехал в столицу. Перед отъездом Толстой приехал проститься к Урусову, который со своим полком стоял тогда в Куртьер-фоц-Село. Это было 6 ноября. Урусов и Толстой договорились, что будут переписываться. Урусов дал ему письмо к известному писателю-славянофилу и одному из лучших московских шахматистов Ивану Васильевичу Киреевскому. В письме говорилось: «Рекомендую вам прекрасного литератора и вместе шахматного игрока, моего ученика, графа Льва Николаевича Толстого» (11, 480). 21 ноября Толстой прибыл в Петербург.

Урусов остался еще некоторое время служить в армии. После окончания Крымской войны его полк был направлен в Перемышль, Калужской губернии. С дороги, из Орехова, Урусов 20 июля 1856 года написал первое письмо Льву Николаевичу. Интересно, что адрес Толстого он узнал из письма И. С. Тургенева.

«Переписка с такими людьми, как Вы и И. С., — писал Урусов Толстому, — истинное благо для меня; я пишу

С. С. Урусов в период Крымской войны 1854—1855 гг.

собственно, чтобы отдохнуть, облегчить душу — вздохнуть; поэтому не ждите какую-либо интересную новость от меня — новости от Вас к нам, а не из какой-нибудь Таврич. (еской) губернии к Вам»*. Эти грустные настроения Урусова были не случайны. Они были навеяны, в частности, его не всегда удачным стремлением к «искоренению злоупотреблений в России», в результате чего у него возникали подчас бурные столкновения с начальством.

В следующем письме от 19 сентября 1856 года Урусов сообщает о получении весточки от Толстого и сожалеет о невозможности скорой встречи. «От Перемышля до Вас далеко, и вряд ли мне удастся побывать в Ясной Поляне. Взамен того надеюсь с Вами переписываться и даже, когда вы будете за границей. Я сам думаю ехать за Вами, если отделаюсь от полка».

Далее Урусов, между прочим, высказывает любопытные замечания о свойствах шахматного таланта, иллюстрируя свою мысль примерами из жизни выдающихся шахматистов-современников: А. Д. Петрова, английского мастера Говарда Стаунтона и немецкого мастера и шахматного теоретика Лаза. По тому, как пишет Урусов, ясно, что писателю эти имена были тогда хорошо знакомы.

«Неужели,— заявляет Урусов,— все, подобно Наполеону, разумеется 1-му, идут вперед, пока не насытятся, а потом пойдут назад? Это грустно. Петров, шахматный гений, идет назад, Стаунтон тоже; но замечательно, что немцы чрезвычайно крепко держатся. Де la Лаза страшный крепыш; Яниш отзывается об нем так, что он, Лаза, никогда не ошибается; это похоже на немцев вообще».

Урусову, правда, пришлось вскоре убедиться в ошибочности своего мнения, по крайней мере о Петрове, с которым он встретится в большом матче. А пока он деятельно готовился к матчу, играя много с братом, исследуя шахматные дебюты и изыскивая новые продолжения. О своих встречах с Д. Урусовым он писал в том же письме: «Я был дома, виделся с братом и с жадностью вступил в шахм(атный) бой. Странно вышло, что кто начинал, тот и проигрывал, так что в результате оба мы поровну выиграли. У него немецкая игра: положительная, безошибочная, а у меня — широкая, русская».

* Отрывки из писем С. Урусова Л. Толстому и его жене публикуются впервые. Письма хранятся в ГМТ.

В ГОСТЯХ У ТУРГЕНЕВА

В Петербурге Толстой остановился у И. С. Тургенева, жившего на Фонтанке, у Аничкова моста. Тургенев в то время был уже известным писателем, автором «Записок охотника», «Рудина», «Дворянского гнезда». С большим благожелательством встретил он появление в литературе имени Л. Н. Толстого. Уже в первых его произведениях Тургенев узрел большой талант, которому предрекал славное будущее. «Вот, наконец, преемник Гоголя!» — писал Тургенев в одном из писем. В свою очередь, произведения Тургенева, особенно «Записки охотника», произвели огромное впечатление на Толстого. «После «Записок охотника» как-то трудно писать», — говорил Толстой.

Они увиделись в первый раз и встретились как старые друзья. Тургенев ввел Толстого в круг ведущих петербургских писателей, группировавшихся вокруг передового журнала «Современник». То были Некрасов, Панаев, Чернышевский, Островский, Гончаров, Григорович.

Дружба не мешала Тургеневу и Толстому вести бесконечные споры о литературе и жизни, носившие принципиальный характер и нередко кончавшиеся ссорами. Было лишь одно «успокаивающее» средство, во время которого споры прекращались, наступал мир, и они подолгу сидели вместе, не проронив ни слова... Это были шахматы, которые оба так любили.

Еще юношей Тургенев изучал теорию по книгам Петрова, Яниша, Альгайера, а затем стал даже выписывать английский шахматный журнал «Чесс плейерс кроникл». Он любил просматривать партии, делая на полях руководств и журналов пометки. В 1853 году Тургенев писал из Спасского С. Т. Аксакову: «Знаете ли, в чем состоит главное мое занятие. Играю в шахматы с соседями или даже один, разбираю шахматные игры по книгам. От упражнения я достиг некоторой силы».

К тому времени, когда Тургенев встретился за шахматной доской с Толстым, он играл уже хорошо и был ревностным посетителем Петербургского шахматного клуба. Как признавался впоследствии Толстой, Тургенев играл сильнее его. Правда, после первых встреч он не хотел еще с этим согласиться. Так, в письме к сестре Марии Николаевне (отправленном из Петербурга 20 ноября 1855 года) он, рассказывая о первой встрече с Тургеньевым, писал:

«Мы с ним сейчас же изо всех сил расцеловались. Он очень хороший. С ним вместе поехали к Некрасову, у которого обедали и до 8 часов сидели и играли в шахматы. Он выиграл 2, я одну, но я был не в духе, а он со мной не сладит».

Тургенев ввел Толстого в «Общество любителей шахматной игры», как тогда называли Петербургский шахматный клуб. Этот клуб после долгих ходатайств виднейших русских шахматистов — Яниша, Шумова и других был основан в марте 1853 года. Клуб имел свой устав, в первом параграфе которого говорилось, что целью Общества является «распространение вкуса к этой благородной и поучительной игре». В клубе проводились шахматные турниры, матчи, консультационные партии. Собирались, как правило, по вторникам и пятницам. Количество присутствующих доходило до 50 и больше человек. Здесь бывал Пётров, когда он по делам службы приезжал из Варшавы в Петербург, и С. Урусов, нередко наезжавший из Москвы, чтобы сразиться с лучшими петербургскими мастерами. Членами клуба были И. С. Тургенев, Н. Д. Ахшарумов, Я. П. Полонский и другие русские писатели.

Уже 2 декабря 1855 года можно было встретить среди посетителей клуба и Л. Толстого. Об этом упоминают в своих дневниках сотрудник «Современника» А. Дружинин и поэт Я. Полонский. Последний писал: «На днях, без ведома моего, баллотировали меня в члены Шахматного клуба. В пятницу (2 декабря) я, или, лучше сказать, мы там обедали. Был Тургенев, Дружинин, Панаев, Краевский, гр. Лев Толстой (автор «Детства»), Дудышкин (критик «От. Зап.») и другие» (25, 104).

О посещении шахматного клуба часто упоминает в своем «Дневнике» и Толстой. Вот несколько записей, относящихся к 1856 году:

«2 февраля. Завтра привожу в порядок бумаги, пишу письма... Обедаю в шахмат(ном) клубе и все пишу еще мятель и вечером захожу к Тургеневу...

4 февраля. Утром писал немного... Обедал в шахматном клубе.

4 ноября... вечером в клубе (шахматном)

9 ноября. Обедал в шахм(атном) клубе. Меня не хотели пустить. Все бестолковость».

Из последнего замечания можно сделать вывод, что Толстой, по-видимому, не был постоянным членом шах-

матного клуба (за что взималась определенная годовая плата), а лишь одним из его посетителей.

В «Дневнике» Толстого встречаются упоминания и о посещении им клуба в 1857 году. Можно предположить поэтому, что здесь он познакомился со многими видными русскими мастерами, в том числе и с братом своего сева-стопольского друга — Д. Урусовым.

В том же году Толстой не раз встречался за шахматной доской с Тургеневым за границей, в частности во время поездки из Парижа в Дижон. Об этом он упоминает в дневнике:

«25 февраля. В 8 поехали, дорогой играли. Т(ургенев) ни во что не верит.

26 февраля. Дижон. Спал отлично. Утром написал главу славно. Ходил с Тург(еневым) по церквам. В кафе играл в шахматы. Тщеславие Т(ургенева), как привычка умного человека, мило».

На почве шахмат Тургенев близко сошелся со старшим братом Л. Толстого. В письме к Марье Николаевне Толстой, жившей в то время вместе с братом Николаем в Москве, он писал в августе 1857 года: «...Я не без зависти думаю о вашем житье-бытье вместе,— и милый Николай Николаевич мне так и видится с своей трубкой, шахматами, неизменным хладнокровием и ласковым взглядом».

В 1860 году Н. Толстой, в связи с резким ухудшением здоровья, поехал по совету Тургенева лечиться во Францию, в Соден. Здесь же отдыхал Тургенев. Он писал графине Е. Ламберт (24 июня): «Сюда приехал хороший мой приятель, Толстой (брат автора), прекраснейший человек. Жаль, здоровье его очень плохо: у него злая чахотка. Он, удалившийся от мира, умный и добрый человек, он удалился от мира и в то же время всему сочувствует. Я с ним также беседую и играю в шахматы».

Но Тургенев оставался здесь еще недолго. 15 июля Н. Толстой сообщал А. Фету: «А очень стало мне без него (Тургенева) пусто в Содене, не говоря уже о том, что шахматный клуб расстроился».

В связи с тревожными вестями о состоянии здоровья Н. Толстого летом 1860 года к нему выехала сестра с детьми и Лев Николаевич. 20 сентября Николай умер. Л. Толстой страшно переживал потерю любимейшего брата. «Н(икольенькина) смерть самое сильное впечатление в моей жизни», — писал он.

После смерти старшего брата Л. Толстой надолго задержался за границей. В связи с увлечением педагогической деятельностью и организацией им школ в Ясной Поляне он изъездил много стран Европы, стремясь детально познакомиться с постановкой школьного образования. Толстой посетил Францию, Германию, Бельгию, Италию и Англию.

Во Франции Толстой встретился с Тургеневым. В дневнике от 1(13) апреля 1861 года он отметил: «Париж. Сближение с Тургене(вым)». В то время Тургенев много играл в Париже в кафе Режанс, где собирались сильнейшие шахматисты столицы и приезжие иностранцы. Здесь он участвовал в небольших шахматных турнирах, заняв в одном из них второе место, играл матч с сильным шахматистом Владиславом Мачусским. Рассказывая впоследствии С. Танееву о встречах с Тургеневым в этот период, Толстой подчеркивал, что Иван Сергеевич играл тогда лучше его⁷.

Шахматный мир находился в то время еще под впечатлением блестящих побед, одержанных гениальным американским мастером Полем Морфи над сильнейшими шахматистами Англии, Франции и Германии. Быстрое и гармоничное развитие фигур в начале шахматной партии, планомерное овладение центром и открытыми линиями, тонкое позиционное чутье — все это в сочетании с исключительно активной игрой и большим комбинационным талантом неизменно приносило Морфи победы. В 1858—1859 годах двадцатилетний юноша появился на шахматном горизонте Европы, выиграл матчи у Левенталя, Гаррвица, Андерсена, Монгредiena и других лучших мастеров Запада и затем неожиданно покинул арену шахматной борьбы. Имя Морфи было окружено ореолом славы.

К сожалению, встречи русских мастеров с Морфи не состоялись. Правда, С. Урусов в 1859 году направил Морфи письмо, в котором вызывал его на матч и приглашал приехать в Россию, где он гарантировал также встречу его в матче с Петровым (от которого он получил согласие на матч с Морфи). Однако дальнейшая участь письма Урусова к Морфи осталась неизвестной...

Нет сомнения, что обо всем этом С. Урусов, конечно, сообщил и своему другу Л. Толстому. Можно также с уверенностью сказать, что не раз слышал Лев Николаевич о Морфи из уст Тургенева. Все это не могло не вызвать

большого интереса Толстого к творчеству американского шахматиста. Этим объясняется, по-видимому, тот факт, что, будучи в Лондоне, он приобретает книгу Левенталя о Морфи. Это сочинение, по словам Яниша, поместившего в 1860 году в «Шахматном листке» рецензию на книгу, являлось лучшим в то время собранием партий Морфи. Вот некоторые достоинства этого произведения, отмеченные в критической статье русского мастера. «Сочинение Левенталя,— писал Яниш,— представляет единственный достоверный сборник партий г. Морфи, который составил к нему краткое предисловие и сообщил издателю довольно много любопытных замечаний... Какой приятный подарок для нас, отдаленных любителей, которые до настоящего времени принуждены были изучать партии г. Морфи по столь несовершенным немецким изданиям. Г. Левенталь приложил особое старание к пояснению важных или трудных мест этих партий, что, конечно, потребовало очень пристального труда»⁸.

Л. Н. Толстой, по-видимому, детально ознакомился с книгой. Он привез ее домой, и до сих пор экземпляр этого сочинения (J. Lowenthal «Morphy's Games of chess», London, 1860) со всеми разрезанными страницами хранится в яснополянской библиотеке.

«ВОЙНА И МИР»

В сентябре 1862 года Л. Н. Толстой женился на Софье Андреевне Берс, восемнадцатилетней дочери московского доктора. Потекли годы счастливой семейной жизни в Ясной Поляне.

Чем только не увлекался Толстой! Он учил детей и сажал сады, занимался пчеловодством и разведением сельскохозяйственных животных. А как радовался Толстой каждому гостю, который умел играть в шахматы! В письме к брату жены Александру Андреевичу он писал 28 октября 1864 года: «Играешь ли ты в шахматы? Я не могу представить себе эту жизнь без шахмат, книг и охоты».

Всею грудью вдыхая живительный аромат яснополянской природы, Толстой чувствовал необычайный прилив творческих сил. «Я теперь писатель всеми силами своей души,— признавался Л. Н. Толстой,— и пишу и обдумываю, как я еще никогда не писал и не обдумывал».

В эти-то годы писатель и создает гениальную эпопею «Война и мир».

«Война и мир» — огромное полотно русской жизни первой четверти XIX века. В романе насчитывается почти 6000 действующих лиц. Это — люди с различным социальным положением, с разными характерами, мыслями, переживаниями. Не было, пожалуй, ни одного более или менее значительного явления в жизни русского общества начала прошлого столетия, которое бы ускользнуло от проницательного взора писателя.

Не прошел Толстой также мимо шахматной игры, которая имела тогда распространение среди определенных кругов русского общества. Несколько раз в романе в той или иной связи говорится о шахматах.

Вот, к примеру, сцена приезда Николая Ростова домой (с сокращениями):

«Дома еще не спали. Молодежь дома Ростовых, воротившись из театра, поужинав, сидела у клавикорд. Как только Николай вошел в залу, его охватила та любовная, поэтическая атмосфера, которая царствовала в эту зиму в их доме... Соня и Наташа в голубых платьях, в которых они были в театре, хорошенькие и знающие это, счастливые, улыбаясь, стояли у клавикорд. Вера с Шиншиным играла в шахматы в гостиной. Старая графиня, ожидая сына и мужа, раскладывала пасьянс с старушкой-дворянкой, жившей у них в доме...

«У них все то же», — подумал Николай, заглядывая в гостиную, где он увидел Веру и мать со старушкой» (т. II, часть первая, гл. XV).

В другом месте писатель снова упоминает о шахматном столике в доме Ростовых: «Накануне своего отъезда из Петербурга, князь Андрей привез с собой Пьера, со времени бала ни разу не бывшего у Ростовых. Пьер казался растерянным и смущенным. Он разговаривал с матерью. Наташа села с Соней у шахматного столика, приглашая этим к себе князя Андрея. Он подошел к ним» (т. II, часть третья, гл. XXIV).

Подробно описан в романе эпизод шахматной игры между русскими офицерами Бергом и Борисом Друбецким. Действие происходит в 15 верстах от Ольмюца, где расположилась гвардия, готовясь к смотру двух императоров. Борис ждал друга детства, армейского офицера Николая Ростова, чтобы передать ему письмо и деньги от родных.

«Берг и Борис, чисто и аккуратно одетые, отдохнув после последнего дневного перехода, сидели в чистой отведенной им квартире перед круглым столом и играли в шахматы. Берг держал между колен курящуюся трубочку. Борис со свойственною ему аккуратностью белыми тонкими руками пирамидкой уставлял шашки, ожидая хода Берга, и глядел на лицо своего партнера, видимо думая об игре, как он и всегда думал только о том, чем он был занят.

— Ну-ка, как вы из этого выйдете? — сказал он.

— Будем стараться, — отвечал Берг, дотрагиваясь до пешки и опять опуская руку.

В это время дверь отворилась.

— Вот он, наконец! — закричал Ростов. — И Берг

тут! Ах ты, петизанфан, алеккуше дормир! * — закричал он, повторяя слова няньки, над которыми они смеивались когда-то вместе с Борисом.

— Батюшки! как ты переменялся! — Борис встал навстречу Ростову, но, вставая, не забыл поддержать и поставить на место падавшие шахматы и хотел обнять своего друга...» (т. I, часть третья, гл. VII).

Несколько раз обращался Толстой к рассуждениям о шахматной игре для более яркого раскрытия тех или иных особенностей военных действий или даже общих законов войны. Высказывания на шахматные темы ведутся в романе от автора и от имени двух героев — князя Андрея Болконского и Наполеона. Характер этих высказываний различен.

Вот, например, какая мысль была высказана Толстым для доказательства ошибочности мнения французского историка Тьера, который, стремясь оправдать Наполеона, утверждал, что тот был привлечен к стенам Москвы невольно.

«Хороший игрок,— пишет Толстой,— проигравший в шахматы, искренно убежден, что его проигрыш произошел от его ошибки, и он отыскивает эту ошибку в начале своей игры, но забывает, что в каждом его шаге, в продолжение всей игры, были такие же ошибки, что ни один его ход не был совершенен. Ошибка, на которую он обращает внимание, заметна ему только потому, что противник воспользовался ею. На сколько же сложнее этого игра войны, происходящая в известных условиях времени, где не одна воля руководит безжизненными машинами, а где все вытекает из бесчисленного столкновения различных произволов?» (т. III, часть вторая, гл. VII).

Остальные высказывания на тему о шахматах приведены в связи с Бородинским сражением.

Любопытен разговор между Андреем Болконским и Пьером Безуховым в канун Бородинского сражения. Это были передовые люди своего времени, горячо любившие Родину. Встретившись перед Бородинской битвой, два друга делятся мыслями о предстоящем сражении. Разговор заходит о роли полководцев в войне. Пьер и Андрей играли в шахматы, и их рассуждения, естественно, переходят на рельсы шахматных аналогий и сравнений. Толстой вкладывает в уста князя Андрея свои мысли:

* Дети, идите ложиться спать.

«— Однако, говорят, он искусный полководец, — сказал Пьер.

— Я не понимаю, что такое значит искусный полководец, — с насмешкой сказал князь Андрей.

— Искусный полководец, — сказал Пьер, — ну тот, который предвидел все случайности... ну, угадал мысли противника.

— Да это невозможно, — сказал князь Андрей, как будто про давно решенное дело.

Пьер с удивлением посмотрел на него.

— Однако, — сказал он, — ведь говорят же, что война подобна шахматной игре.

— Да, — сказал князь Андрей, — только с тою небольшою разницей, что в шахматах над каждым шагом ты можешь думать сколько угодно, что ты там вне условий времени *, и еще с тою разницей, что конь всегда сильнее пешки, и две пешки всегда сильнее одной, а на войне один батальон иногда сильнее дивизии, а иногда слабее роты. Относительная сила войска никому не может быть известна... Успех никогда не зависел и не будет зависеть ни от позиции, ни от вооружения, ни даже от числа; а уже меньше всего от позиции.

— А от чего же?

— От того чувства, которое есть во мне, в нем, — он указал на Тимохина, — в каждом солдате» (т. III, часть вторая, гл. XXV)**.

Далее Толстой проводит ту идею, что одна из главных причин неизбежной победы русских в 1812 году — это состояние духа войска, защищающего свою родную землю от иноземных поработителей, народный характер войны.

В первоначальном варианте этого эпизода сравнение шахмат с войной было проведено в более широком плане и высказывалась интересная мысль о шахматном таланте. Обращаясь к батальонному командиру Тимохину, князь Андрей говорит: «Но и при (шахма)тах — (ты ведь играешь) (видишь, что нужно) знаешь, (что) сочетание может быть так(ое), какого не напишешь во всю эту стену, и что всех сообразить нельзя, а нужен талант, инстинкт шахматный одного человека» (т. 14, стр. 109)⁹.

* В начале прошлого столетия не существовало еще контроля времени. Он был впервые применен в 1853 году, а вошел в турнирную практику три десятилетия спустя.

** Отрывок приводится с сокращениями.

Если князь Андрей, сравнивая войну с шахматами, показывает глубокое, можно сказать, коренное отличие одного от другого, то совершенно иначе смотрит на это Наполеон. Писатель здесь как бы противопоставляет два взгляда на войну. Для князя Андрея война — это преступление, она ведет к гибели сотен тысяч людей. «Война,— говорит он,— не любезность, а самое гадкое дело в жизни, и надо понимать это и не играть в войну». Для Наполеона же, привыкшего повелевать судьбой народов и меньше всего думающего о гибели и страданиях миллионов людей, война — это игра, а воины — пешки. Вот в чем смысл изречения Наполеона перед началом Бородинского сражения. Одна из глав, как известно, начинается следующими словами. «Вернувшись после второй озабоченной поездки по линии, Наполеон сказал:

«Шахматы поставлены, игра начнется завтра»¹⁰ (т. III, часть вторая, гл. XXIX).

Мысль о том, что война для Наполеона — игра, что он подобен игроку, ставящему на карту жизнь сотен тысяч своих подданных, красной нитью проходит по всей книге¹¹. В конце той же главы мы читаем:

«Наполеон подъехал со свитой к Шевардинскому редуту и слез с лошади. Игра началась».

В ходе Бородинского сражения, когда благодаря героическим подвигам русских воинов французские войска, несмотря на свое численное превосходство, не могли сдвинуться с места, к императору то и дело подъезжали адъютанты с просьбами генералов о введении в бой резервов. И здесь следует ответ Наполеона, далекий от истинного осмысления обстановки, но зато вполне соответствовавший самодовольной натуре повелителя, который считал, «что то, что он скажет и сделает теперь,— есть история». Одному из адъютантов, посланных маршалом Мюратом с требованием подкреплений, он отвечал:

«Скажите Неаполитанскому королю, что еще нет полдня и что я еще недостаточно ясно вижу положение шахмат. Ступайте...» * (там же, гл. XXXIV).

Интересно отметить, что изречения Наполеона вполне в духе этого полководца и потому, что он действительно играл в шахматы. Это хорошо было известно писателю.

* В тексте романа этот отрывок приведен на французском языке, Перевод его дается в сноске.

«Везде, где в моем романе говорят и действуют исторические лица,— подчеркивал Толстой,— я не выдумывал, а пользовался материалами, из которых у меня во время моей работы образовалась целая библиотека книг».

Обращает на себя внимание разнообразие планов, в которых говорится о шахматной игре в романе «Война и мир»: бытовой, психологический и военно-исторический. Место, которое уделил Толстой шахматам в романе, показывает не только его отношение к ним, глубину проникновения в отдельные стороны шахматной игры, но и подтверждает определенную роль шахмат в культурной жизни общества, их распространение в кругах русской интеллигенции начала XIX века.

ШАХМАТЫ В СЕМЬЕ ПИСАТЕЛЯ

60—70-е годы были для Л. Н. Толстого годами наивысшего творческого подъема. Все более напряженной становилась литературная работа, стоившая много сил и здоровья. Как-то Толстой сказал жене, заметившей, что он был переутомлен: «А ты думаешь, что писательство дается даром? Нет, каждый день труда оставляешь в чернильнице кусочек себя» (3, II, 144).

В чем же писатель находил отдохновение от литературных трудов? Три предмета доставляли ему душевное успокоение, отдых — музыка, шахматы, охота.

В те годы Толстой жил преимущественно в Ясной Поляне. Поэтому его шахматными партнерами были большей частью родственники жены, а также приезжавшие в гости друзья и приятели.

В семье тестя Толстого — А. Е. Берса был своеобразный культ шахматной игры. И глава семьи — Андрей Евстафьевич, и его сыновья — Саша и Степа, и все его дочери — Лиза, Соня и Таня — играли в шахматы. В гостиной у них стоял шахматный столик, и гости нередко проводили за ним вечера. В семье даже ходила шутка, что частая игра в шахматы гостя с какой-либо из трех сестер была верным признаком скорой свадьбы... Татьяна Андреевна впоследствии вспоминала, что и Лев Николаевич любил иногда посидеть за шахматами с сестрой Софьей, будущей женой писателя: «С Соней он играл в четыре руки (на фортепиано — *И. Л.*), в шахматы, часто рассказывал ей о своей школе...» (59, 78).

Но, по-видимому, Софья Андреевна играла в шахматы не так сильно, чтобы доставлять этим удовольствие мужу. Во всяком случае, в дальнейшем мы не встречаем упоминаний об ее игре с Толстым или его друзьями. Но зато она любила наблюдать за игрой и всегда с уважением относилась к шахматным увлечениям своего мужа¹².

Из родственников жены наиболее частым шахматным соперником Толстого бывал брат жены Саша, который нередко приезжал в Ясную Поляну. Толстой любил его и переписывался с ним.

В шахматы играли и некоторые приятели Толстого — поэты А. Фет и Я. Полонский, живший неподалеку от толстовского имения помещик И. Борисов, домашний учитель М. Рей и другие. Но Полонский и Фет были сравнительно слабыми шахматистами, и встречи с ними за шахматной доской не могли, вероятно, доставить писателю удовлетворения¹³. Иное дело поиграть с Иваном Петровичем Борисовым, хорошим шахматистом и страстным охотником. Когда-то Борисов состязался с Н. Толстым. «Бывало они сцепятся в шахматы и сидели часами так, что их водой не разольешь», — писал Фет, наблюдавший за их игрой. Борисов был в приятельских отношениях также с Тургеневым и С. Урусовым. В начале 1865 года Тургенев писал ему из Парижа: «С истинным удовольствием мечтаю о том, как мы сразимся в шахматы с Вами на Вашей террасе, в присутствии Пети (сына Борисова, — *И. Л.*), который уже, верно, знает ходы и которому прошу кланяться от моего имени».

В 60-х годах Толстой также часто встречался с И. Борисовым.

Много времени уделял Л. Толстой воспитанию своих детей. «Отец, — вспоминает С. Л. Толстой, — в то время довольно много занимался нами, учил арифметике, заставлял излагать прочитанное нами или самим описывать что-нибудь». Возможно, что в систему воспитания своих детей Толстой включал и занятия шахматами. Такое предположение вытекает из того факта, что почти все дети Толстого играли в шахматы. Эту игру полюбили Сергей, Илья, Лева. По воспоминаниям современников не плохо играла Маша. Но больше всех преуспевал в этом искусстве старший сын. Своему первенцу Толстой уделял особенно много внимания, играл с ним в шахматы. И, как часто бывает, ученик превзошел своего учителя. Уже в 15 лет он играл настолько хорошо, что Софья Андреевна набралась смело-

сти предложить гостившему тогда в Ясной Поляне Тургеневу сыграть с ним партию.

...Семнадцать лет прошло с того времени, как Тургенев и Толстой поссорились между собой, находясь в гостях у Фета. 6 апреля 1878 года Лев Николаевич отправил Тургеневу примирительное письмо. «Искренно, если вы можете простить меня, предлагаю вам всю ту дружбу, на которую я способен», — писал Л. Толстой из Тулы. 8 мая Тургенев отвечал: «С величайшей охотой готов возобновить нашу прежнюю дружбу и крепко жму протянутую мне Вами руку». А три месяца спустя они снова встретились в Ясной Поляне.

Вся семья Толстых с нетерпением ждала приезда Ивана Сергеевича. Тургенев был великолепным рассказчиком, приятным и остроумным собеседником. Несмотря на свои 60 лет, он с готовностью принимал участие в увеселениях молодежи. Дочь Толстого Татьяна Львовна вспоминала: «Видимо, Тургеневу хотелось у нас отдыхать, и ему веселее было гулять с нами, играть в шахматы с моим братом, слушать пение моей тетки и разговаривать о том, что вздумается, чем спорить о философских вопросах» (28, 13).

В один из вечеров Софья Андреевна предложила Ивану Сергеевичу сыграть партию со старшим сыном. «Он будет всю жизнь помнить, что играл с Тургеневым», — сказала она. Писатель согласился, но во время игры проявлял пренебрежение к юному партнеру. Сделав быстро свой очередной ход, он начинал затем рассказывать наблюдавшим за игрой о своих шахматных встречах во Франции и Германии. Но вдруг он заметил, как неожиданно для себя попал в тяжелое положение. «Э, да с вами шутить нельзя!» — воскликнул Тургенев после первой партии. Следующую он играл более внимательно. Об этой встрече сохранились и воспоминания самого партнера Тургенева С. Л. Толстого:

«В другой раз вечером Тургенев играл в шахматы со мной и, насколько мне помнится, с отцом и Урусовым. Он был сильный игрок, сильнее отца. Давая мне ладью вперед, он одну партию выиграл, другую проиграл... Он играл особенно искусно слонами. «Меня шахматисты называют *«Le chevalier du fou»*, — говорил он (рыцарем слона). По поводу шахматной игры он вспомнил об одном модном в то время словечке французов:

— Что ни скажешь французу, — говорил он, — он отвечает: *Vieux jeu* (старая игра)» (53, 321—322).

ВСТРЕЧИ С УРУСОВЫМ

В семидесятые годы в Ясной Поляне нередко гостил Сергей Семенович Урусов. Со времени Севастопольской обороны Урусов сильно изменился. Вскоре после окончания крымской кампании полковник С. С. Урусов уволился с военной службы. Все внимание его было устремлено теперь на другое «поле брани» — шахматную доску. Серьезно готовясь к решающей встрече с сильнейшим шахматистом России А. Д. Петровым, он особенно много занимается теорией дебютов и эндшпиля. Им были разработаны новые продолжения в центральном гамбите, шотландской партии, гамбите Альгайера и других началах. Он составил во многом самобытное «Руководство к изучению шахматной игры», опубликованное в журнале «Шахматный листок» в 1859—1861 годах. Характерная черта урусовского «Руководства» — требование совершенствования игры в эндшпиле и ведения активной обороны. «Правильная оборона есть та, которая предполагает переход в наступление», — писал мастер.

«Руководство» недооценивало значение теории дебютов. Урусов, однако, вопреки своим собственным утверждениям, был большим знатоком дебютной теории. В этом имели возможность убедиться многие шахматисты Москвы и Петербурга, с которыми в 60-х и начале 70-х годов играл мастер. Он выиграл еще два матча у Шумова, а в 1859 году провел длительное состязание с Петровым, для чего специально приезжал в Варшаву. Матч он проиграл с результатом $+7-13=1$. Это было неприятно его самолюбию; теперь он должен был смириться с тем, что является только вторым шахматистом России. Последовавшие вскоре матчи с известными иностранными мастерами — венгром И. Колишем (Петербург, 1862, $+2-2=0$) и немецким шахматистом И. Гиршфельдом (Москва, 1866, $+2-1=2$) показали, что С. Урусов в середине прошлого столетия справедливо считался одним из лучших шахматистов Европы.

В 1868 году состоялось знакомство С. С. Урусова с семьей Толстого.

С тех пор С. Урусов был очень близок к семье Л. Толстого. По желанию семьи он стал крестным отцом его детей — Марии, Льва и рано умершего Петра. А когда Урусов потерял свою любимую дочь Лиду, Лев Николаевич приехал в Спасское утешить друга (1869 г.).

Толстой писал В. К. Истомину 12 января 1873 года: «С Урусовым мы так же дружны и часто видимся...».

Во время этих встреч Толстой и Урусов не раз садились за шахматную доску. И это несмотря на то, что мастер в те годы решил прекратить игру в шахматы. Чем объяснить такое странное решение? Ведь еще в конце шестидесятых годов он был одним из активных шахматных деятелей Москвы. 16 октября 1868 года С. С. Урусов, к примеру, писал Льву Николаевичу: «Меня выбрали президентом шахмат(ного) клуба, думают вести игру по переписке...».

Но уединенная жизнь в Спасском, занятия математикой, философией, историей и богословием привели к тому, что шахматы стали занимать в жизни Урусова все меньшее и меньшее место, а в середине 70-х годов он принял решение оставить серьезные занятия шахматной теорией. Правда, Урусов не был уверен в том, что нет-нет да и потянет его снова к шахматным исследованиям. ...И вот он решается все свои шахматные книги — среди них были лучшие в то время теоретические руководства и монографии Стаунтона, Бильгера и другие — подарить старшему сыну Льву Николаевича, который увлекся шахматной игрой и в то время часто играл со своим учителем английского языка Реем. 21 февраля 1876 года Л. Толстой писал из Ясной Поляны своему другу: «Сережа был в восторге от ваших книг и изучает их. Он и Реу пишут вам благодарственные письма. Реу в восхищении от вас, и я за это его еще более полюбил».

С. Урусов был своего рода шахматным наставником Сергея Львовича. Впоследствии С. Толстой вспоминал: «Хотя он и бросил игру, он, однако, играл с моим отцом, а перед его отъездом мы, т. е. отец и я, предложили ему сообща сыграть по переписке. После немногих дебютных ходов, не давших преимущества ни нам, ни ему, он прекратил игру» (47, 362).

Отдельные подробности об этой партии мы находим в переписке С. Урусова с Л. Толстым. В письме от 10 апреля 1876 года, в котором Урусов писал о том большом наслаждении, которое он испытал, читая «Анну Каренину», имеются, между прочим, следующие строки: «Ходы прилагаю. Надеюсь, что игра сделается интересною начиная с 4-го хода. Отдельную записку вложил, чтобы вы мои письма могли прочесть и сжечь. А ходы не жгите, ибо может случиться недоразумение».

Десять дней спустя Урусов снова упоминает об этой шахматной партии в письме к Льву Николаевичу: «Судя по началу игры, вижу, что вы не участвуете; глава покамест Ре(й); любопытно, узнаю ли тот ход, который посоветуете вы. Прилагаю ответ. В 4 недели четыре хода, следов(ательно), в 1 неделю — 1 ход, на 52 хода — 52 нед(ели)... Очень приятно. Впрочем, можно надеяться из Москвы обменяться более чем одним ходом. Как видите, я вывожу слона F8—с5».

Дальнейших сведений о ходе борьбы в письмах не приводится. В переписке нет и объяснений причин прекращения игры.

Чем же было вызвано предположение Урусова, что Л. Толстой не принимает участия в партии? По-видимому, начальные ходы партии не совпадали с той системой, которую обычно Л. Толстой избирал за белых, предпочитавший играть королевский гамбит. Однако воспоминания его сына свидетельствуют о том, что мастер был неправ. Лев Николаевич играл эту партию против Урусова по консультации с Сергеем.

В те годы Толстой и Урусов встречались часто как в Москве, так и в Ясной Поляне. И нередко коротали они вечера за шахматной игрой. Об этом с удовольствием упоминала в своем «Дневнике» Софья Андреевна.

Но далеко не одни шахматные интересы сближали Толстого с С. С. Урусовым. Дружба между ними имела основанием чувства взаимного уважения и расположения. Работая над философско-исторической частью «Войны и мира» и бывая в Москве, Толстой встречался с Урусовым, беседовал с ним, а также доверял ему читать и править корректуру 5-го тома романа. А когда Урусов вынужден был срочно уехать из Москвы (ввиду болезни дочери), то он порекомендовал Толстому своего близкого приятеля, кстати тоже шахматиста, — Сергея Владимировича Голицына, который согласился безвозмездно принять на себя дела по корректурам шестого тома романа.

Толстой послал Урусову в разное время около 70 писем. К сожалению, далеко не все они сохранились. Но и те, которые до нас дошли, весьма интересны и показывают, что великий русский писатель делился с Урусовым самыми сокровенными мыслями, писал обо всем, что его волновало. Так, в письме от 15 июня 1870 года из Ясной Поляны Толстой сообщал: «...Я теперь вот уже 6-й день кошу траву

Тягадерева какъ до рожни
дрывъ отъ всего сердца
за то что все едемъ у
мать и все вместе
никого даме, такъ
какъ бы не едемъ миде.
Съ думъ трогать драмъ
милыхъ: видно что
бы немы нешина ио.
дари и бы едемъ не
стачи какъ в до рогу
дунъ. О рожни едемъ
самы миде не едемъ
менеръ миде какъ.
Съ едемъ миде по тачу
что они менеръ миде
миде какъ едемъ миде
и что драмъ миде едемъ
едемъ миде миде миде
у рожни и бы едемъ миде
миде миде: то что бы
не едемъ едемъ миде

с мужиками по целым дням и не могу вам описать не удовольствие, но счастье, кот(орое) я при этом испытываю... Передайте наш привет княгине. Обнимаю вас. Ваш Толстой».

Вот еще одно письмо, говорящее о том, как дорожил дружбой с Урусовым Толстой. Оно было отправлено весной 1871 года из Ясной Поляны: «Благодарю вас, милый друг, за вашу дружбу, которую вижу во всем. Я очень огорчен, что не увижу вас. Мне так хотелось поговорить с вами по душе и на спокойе. А боюсь, письмо и не застанет вас в Москве. Если бы почему-нибудь вы остались бы долее, напишите, я приеду к вам. Мое здоровье все скверно. Никогда в жизни не испытывал такой тоски. Жить не хочется.

Поэтому и хочется особенно вас увидеть».

В том же письме Толстой проявляет большой интерес к шахматным и математическим трудам своего друга. «Как проблема коня?» — спрашивает Толстой и далее сообщает свое мнение о только что присланном Урусовым учебнике по высшей математике.

Письма Толстого, его произведения оказывали подчас на С. Урусова большое влияние. Так, в 1868 году под непосредственным впечатлением от «Войны и мира» написал Урусов и издал свой труд «Обзор кампаний 1812 и 1813 годов, военно-математические задачи и о железных дорогах». Об этой книге автор писал Толстому: «Из IV тома («Войны и мира») позаимствовал о причинах войны»¹⁴.

У Толстого бывали и разногласия с Урусовым. Эти расхождения происходили главным образом на религиозной почве. Урусов был набожным человеком и не мог простить Толстому его религиозных сомнений. А однажды Урусов, как он сам выразился, «в припадке бешенства» даже сжег многие письма Толстого, о чем затем сильно сожалел. Толстой знал его необыкновенную вспыльчивость и прощал ему эту слабость. Вот отрывок из письма Толстого, написанного в декабре 1879 года, то есть менее чем через полтора года после этого печального события: «Очень рад был получить от вас письмо, дорогой кум... Если приведет бог быть свободным, буду у вас, чего очень хочу. Я не помню, что я вам писал о приезде к нам... Приезжайте, как и когда вздумаете и когда вам можно, и когда почувствуете, что вы в любовном расположении. Меня же, уверен, что вы найдете в любовном к вам расположении».

ШАХМАТНЫЕ СОМНЕНИЯ

В начале 80-х годов у Л. Н. Толстого произошел коренной перелом в мировоззрении: «Я отрекся от жизни нашего круга, признав, что это не есть жизнь...» — писал он в «Исповеди». Порвав с классом, которому он принадлежал по рождению, Толстой переходит на позиции патриархального крестьянства. Ему писатель сочувствует, его интересы он выражает в своих произведениях. С великой силой звучит гневный голос писателя, когда он разоблачает тунеядство и праздность класса помещиков, критикует капиталистическую эксплуатацию, вскрывает истинный смысл официальной церкви, лицемерие и фальшь европейской буржуазной культуры.

Но слишком слаба была его «положительная» программа. Сочетание беспощадной критики современного эксплуататорского строя с проповедью «непротивления злу» насилем отражало противоречивость его взглядов, отражало силу и слабость крестьянского движения. Недаром В. И. Ленин назвал творения великого русского писателя зеркалом русской революции. Противоречия во взглядах Толстого, подчеркивал Ленин, «действительное зеркало тех противоречивых условий, в которые поставлена была историческая деятельность крестьянства в нашей революции» (2, 5—6).

В конце прошлого столетия Толстой создал выдающиеся художественные произведения: «Крейцерова соната», «Смерть Ивана Ильича», «Воскресение», пьесы «Власть тьмы», «Плоды просвещения», «Живой труп» и многие другие. Во всех этих произведениях нашли отражение новые взгляды Л. Н. Толстого.

Нашли они отражение и в образе его жизни. Толстой стал рано вставать, сам убирал за собой комнату, усиленно занимался физическим трудом, особенно крестьянскими работами, научился сапожному ремеслу. Переменились и его привычки. Он перестал пить вино, перешел на вегетарианскую пищу, прекратил курить.

Была еще одна «привычка», от которой он одно время хотел отвыкнуть, — шахматы. Толстой пришел к мысли, что они противоречат учению о непротивлении злу. Эта игра постоянно причиняла «боль ближнему», доставляла неприятности и страдания. Вместе с тем она вызывала нередко «дурные чувства» к противнику. Все это не вязалось со всепрощающей толстовской моралью!

В его дневнике в это время мы встречаемся с такими записями:

(24 ноября 1889 года).—...Ездил в Ясенки, а потом пилил с А(лексеем) М(итрофановичем Новиковым). Шахматы возбуждают в нем дурное чувство. Бокс кулаками нехорошо(о), также нехорошо и бокс соображением (разрядка наша — И. Л.).

(27 ноября 1889 года).—... Жив. Утром рубил, пытался писать о науке и искус(стве), только испортил. Не пошло. Ходил далеко по полям и лесам. После обеда и шахмат (у коряет совесть — за шахматы, да и всё) написал письмо... (т. 50, стр. 184—185).

Этот червь сомнения (должен ли он играть в шахматы?) точил Толстого много лет. И все же удовольствие, получаемое от игры, радость и удовлетворение от своеобразной мыслительной борьбы были так велики, что с ними не могли совладать никакие укоры совести¹⁵.

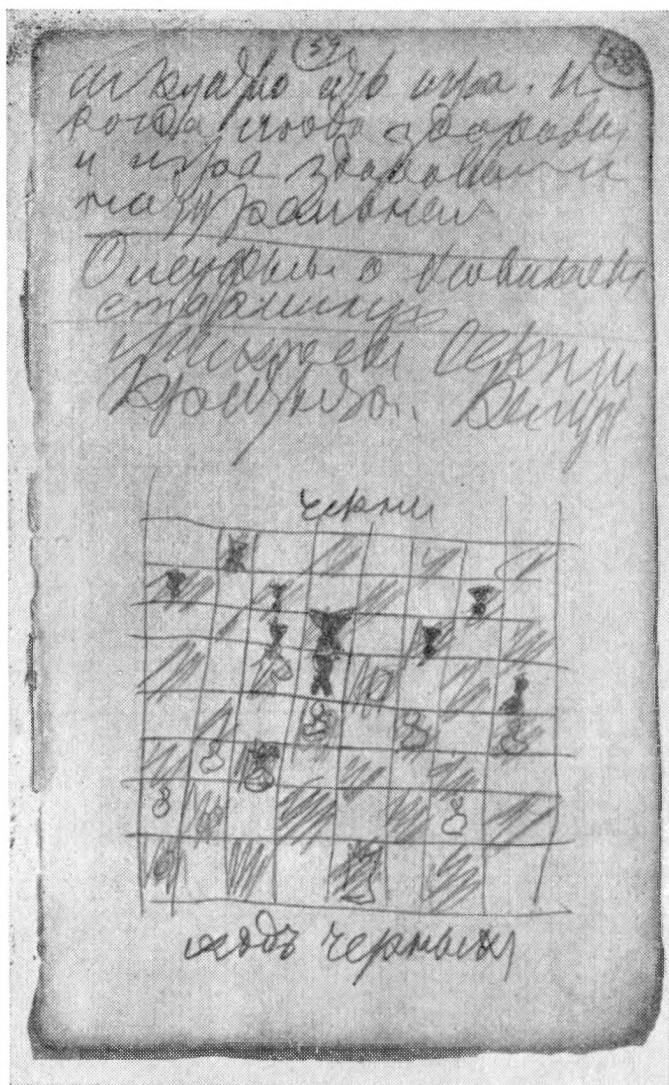
Был, правда, один случай, когда Толстой не послушался веления сердца. Однако на этот раз сыграло свою роль вмешательство посторонних лиц. Это было зимой 1896/97 года, когда в Москве происходил матч-реванш между молодым чемпионом мира Эммануилом Ласкером и ветераном шахмат, экс-чемпионом мира Вильгельмом Стейницем. Л. Н. Толстому не был чужд интерес к общественной шахматной жизни. По-видимому, это чувство спортивного интереса к шахматным состязаниям сохранилось у него в какой-то мере еще с 50-х годов, когда он, будучи в Петербурге, был частым посетителем столичного шахматного клуба. Особенно сочувствовал Толстой великому русскому

шахматисту Михаилу Ивановичу Чигорину, который в конце 80-х — начале 90-х годов дважды играл матчи на первенство мира с В. Стейницем. По свидетельству С. Толстого, Лев Николаевич говорил: «Я не могу побороть в себе свой шахматный патриотизм и не желать, чтобы первым шахматистом был русский» (47, 364).

Матч Ласкер — Стейниц начался 7 ноября 1896 года в Москве на средства одного русского мецената и продолжался до 14 января следующего года. В семье Толстого кто-то предложил поехать и посмотреть на игру двух выдающихся шахматистов. Л. Н. Толстой охотно согласился. Но в это время в разговор вмешался один из последователей русского писателя Э. Моод, который заметил, что профессиональная игра с ее завистью и перебранками и тем, что она ставит способности на службу самой игре, противоречит общему духу его учения. После этого Толстой спокойно, обращаясь к присутствующим, сказал: «Я думаю, что не надо мне идти; вот Моод находит, что это было бы нехорошо».

И Толстой не пошел на матч двух шахматных корифеев. Моод в дальнейшем очень сожалел о своем поступке и объяснял его следующим образом: «Мне теперь совестно, что я помешал ему видеть первоклассные образцы игры, которой он всегда интересовался; но почти всякий, кто попадал в суровый круг его движения, терял иногда способность, по крайней мере на время, оценивать вещи соответственно их действительному значению» (20, 529—530; 51).

Эпизод этот в «шахматной биографии» Л. Толстого — исключение. Ибо в ту пору Толстой часто играл в шахматы. Он любил посидеть один и подумать над особенностью позиции, над разными вариантами, возможными в ней. Так, ему не давала покоя отложенная позиция из партии, игранный, по-видимому, с сыном осенью 1897 года. Эта позиция была нарисована рукой Толстого в его записной книжке и представляла собой эндшпиль, в котором ладья, конь и шесть пешек белых борются против ладьи, слона и шести пешек черных. Под диаграммой Толстой написал: «Ход черных». Его, видимо, волновал вопрос — какой план игры избрать в этой позиции, казалось бы с первого взгляда столь простой, а в действительности полной многих подводных камней и рифов. В частности, можно и следует ли бить слоном белую пешку? В записной книжке Л. Н. Толстого позиция приведена без комментариев

Страница из записной книжки Л. Н. Толстого. 1897 г.

и даже без обозначения того, кто каким цветом играл. Это единственная дошедшая до нас шахматная позиция записанная, или, точнее, нарисованная, самим писателем¹⁶.

Мысли о шахматной игре нередко приходили Толстому, когда он писал дневники, сочинял художественные и публицистические произведения. К этому времени относится, в частности, одно пространное рассуждение писателя о влиянии курения на игру шахматиста.

Мы уже говорили, что Толстой в результате перемены образа жизни перестал курить и пить. Мало того, он выступил активным противником этих вредных привычек человека, а 10 июня 1890 года закончил работу над статьей «Для чего люди одурманиваются». В ней писатель резко ополчился против «физического состояния одурения, в которое вином и табаком приводит себя огромное большинство людей нашего мира». По мнению Толстого, «освобождение от этого страшного зла будет эпохой в жизни человечества» и «эпоха эта настает, кажется».

Многое передумал писатель, прежде чем закончить эту статью. К ней были написаны десятки черновых вариантов и набросков. Один из них — к главе III — имел целью показать огромный вред табака для умственной работы человека. Вот что в нем говорилось:

«Ни на чем это так не видно, как на шахматной игре. Партия идет обычно, но вот наступает важный, решающий ход, игрок думает, соображает и не решается; наконец, если он курит, он зажигает папиросу, затягивается, одурманивается и делает ход. Собственно, происходит тут следующее: каждый игрок по свойству своей головы и вследствие большей или меньшей практики игры может обдумать варианты ходов до известных пределов. Когда наступает трудный ход, игрок делает напряжение, чтобы видеть дальше этих пределов, и, смутно представляя себе дальнейшие варианты, испытывает ощущение тяжести напряжения. Для того, чтобы поступить разумно, ему надо бы сделать еще большее напряжение, но вместо этого он, под предлогом того, что куренье проясняет ему мысли, закуривает, одурманивается, скрывает от себя эти дальнейшие возможности соображений и, не видя уже их, ограничивается меньшими вариантами, низшими соображениями — и делает ход. То же самое происходит при всех умственных работах» (т. 27, стр. 546)¹⁷.

Основная мысль Толстого о вреде курения для здоровья шахматиста, особенно в процессе игры, совершенно правильна и в последние годы полностью подтверждена медицинскими исследованиями¹⁸. В советских шахматных клубах и состязаниях в настоящее время курение строго запрещено.

МОСКОВСКИЕ ВЕЧЕРА

Толстого не влекла к себе городская жизнь. Скорее можно было утверждать обратное: сутолока большого города раздражала его. Тем не менее, он понимал необходимость переезда в Москву — детям пришла пора учиться в специальных учебных заведениях, их нужно было готовить к самостоятельной жизни. И осенью 1881 года семья Толстых выехала из Ясной Поляны в Москву. На протяжении почти двадцати лет семья писателя проводила зимнее время в собственном доме в Долго-Хамовническом переулке, при котором был чудесный сад (ныне музей-усадебна на улице Льва Толстого, д. 21).

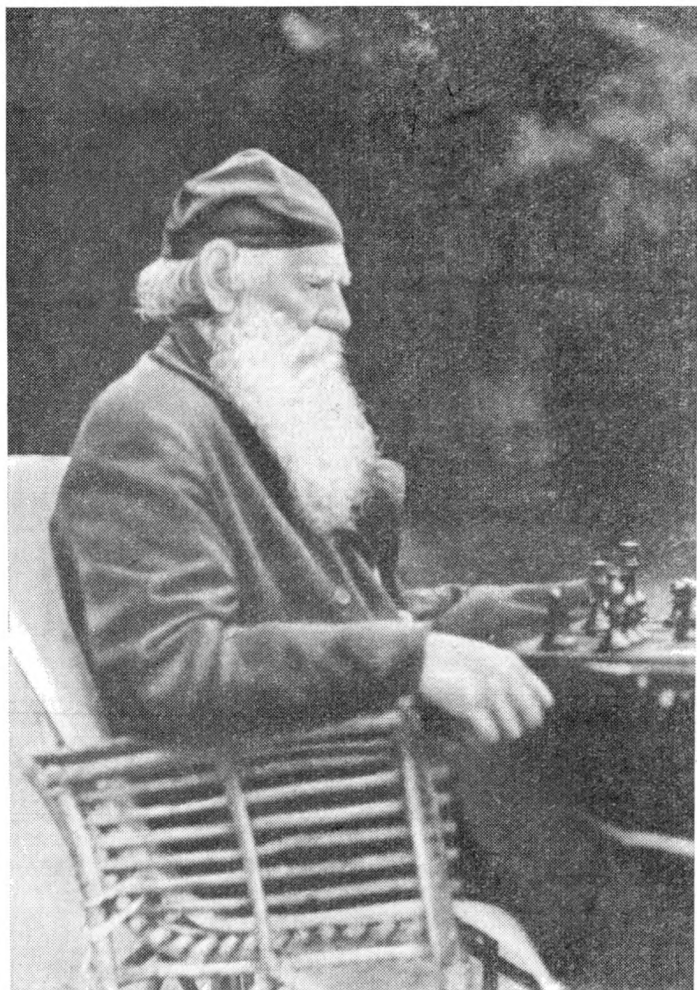
Как и три четверти века назад, стоит сейчас этот двухэтажный дом, не претерпев каких-либо заметных изменений. Тот же небольшой кабинет Льва Николаевича, в котором он создавал свои гениальные произведения. Та же гостиная на втором этаже, где у рояля стоял шахматный столик с тяжелыми шахматными фигурами¹⁹. Та же столовая, где на столе стоит посуда, предназначенная для мясных и вегетарианских блюд.

Дом этот всегда был полон гостей. Вечера проходили обычно шумно, оживленно, при большом стечении народа. Толстой хотя и любил гостей, но уставал от таких вечеров. Впрочем, у него было два утешения — музыка и шахматы.

Толстой очень любил музыку, обладал способностью необычайно сосредоточиваться, слушая ее. Редко проходил вечер, когда бы кто-либо из друзей, знакомых, приятелей не исполнил на рояле какой-либо музыкальной пьесы.

Редко выдавался вечер и без шахмат. Здесь часто состязались с Львом Николаевичем С. Урусов и А. А. Берс, математик Н. В. Бугаев и зоолог С. А. Усов, англичанин Э. Моод и знакомый семьи П. А. Буланже и многие другие. Об этих встречах имеются упоминания в дневниках Толстого и его жены.

Шахматные поединки устраивались здесь и в отсутствие Л. Н. Толстого, о чем Софья Андреевна считала своим дол-

V. H. Staudt

гом рассказать как о чем-то интересном. Так, 10 декабря 1884 года Софья Андреевна сообщала мужу: «Вчера вечером пишу адрес тебе, приехали Беклемишевы (Кошелева). Она играла с Урусовым в шахматы...» Или другое ее письмо к Л. Толстому, написанное тринадцать лет спустя (22 февраля 1897 года): «Сережа, Сухотин, Лева и брат Саша играли в винт, потом в шахматы; потом Гольденвейзер играл и превосходно сыграл балладу Chopin. Мне весь день было очень приятно».

Частым партнером Л. Толстого в 80-х годах был профессор Сергей Алексеевич Усов, живо и образно читавший в Московском университете курс зоологии позвоночных. Стиль игры Усова, по словам Сергея Львовича, был похож на стиль Л. Н. Толстого: «Он также любил рисковать и нападать, и поэтому их партии обыкновенно быстро кончались» (47, 362).

Более сложный и напряженный характер носили партии Льва Николаевича с другим видным ученым — Николаем Васильевичем Бугаевым.

Писатель давно проявлял повышенный интерес к математике, еще со времени организации яснополянской школы и увлечения педагогикой. На этой почве и произошло у него сближение с президентом Московского математического общества Бугаевым. В библиотеке Л. Толстого до сих пор сохранилась работа Бугаева «Математика, как орудие научное и педагогическое», вышедшая в Москве вторым изданием в 1875 году. А четверть века спустя Бугаев подарил писателю оттиск своей работы «Математика и научно-философское мирозерцание» (М., 1899 г.), тоже сохранившееся в яснополянской библиотеке²⁰.

Будучи в Москве, Толстой часто встречался с Бугаевым. Обычно их беседы на философско-математические темы завершались шахматными баталиями, ибо, как и Толстой, профессор математики был страстным шахматистом. Он играл очень сильно, являлся одним из деятельных членов Московского шахматного кружка, успешно выступал в турнирах и отдельных встречах с лучшими мастерами того времени. В его активе были даже победы над В. Стейницем и Э. Ласкером, одержанные в 90-х годах. Первую партию (со Стейницем) он начал необычным для тех лет ходом коневой пешки ферзевого фланга на два поля (1. b2—b4)²¹. Этот дебют, заключавший в себе оригинальную идею, был им впервые тщательно разработан и позднее получил все

права гражданства. И вообще Бугаев любил уже первым ходом озадачить противника. Так, свои партии с Толстым он иногда начинал выступлением ладейной ферзевой пешки на два поля: 1. a2—a4 (47, 363).

В 90-е годы шахматными партнерами писателя в Москве бывали также английский журналист Эльмер Моод, который много лет жил в Москве и чьи партии печатались в свое время в чигоринском «Шахматном листке», пианист А. Гольденвейзер, зять Толстого М. С. Сухотин и многие другие.

Бывали случаи, когда Толстой приходил в гостиную в момент, когда уже начались жаркие сражения на шахматной доске между гостями или детьми Толстого. Писатель очень живо реагировал на течение борьбы, делал замечания, хваля или порицая противника за тот или иной ход. А. Г. Русанов так описывал вечер 2 декабря 1893 года в Москве у Толстого: «После чая молодежь разошлась, Павел Александрович (Буланже) сел играть в шахматы с учителем детей, а Лев Николаевич, шагая по комнате, временами следил за игрой и иногда приговаривал: «Дурно, дурно играет» или «Хорошо играет»—и часто прерывал игру, указывая лучшие ходы. Павел Александрович потом говорил мне: «Я не мог думать: что бы я ни придумал, у него лучший ход» (45, 23).

Интересно отметить, что если Толстого прерывали во время игры, то он не только не раздражался, но охотно отвечал и затем очень быстро переключался, восстанавливая в уме нить шахматной мысли.

ДВОЙНАЯ РАБОТА МЫСЛИ

Чем бы Толстой ни занимался — писал или трудился на поле, слушал музыку или играл в шахматы, — он отдавался этому без остатка, мыслил и чувствовал необычайно глубоко и сосредоточенно. Как будто внутри этого человека жила какая-то своя, неведомая, гигантская жизнь...

Внешне это выражалось в замечательной одухотворенности его лица, которую стремились передать многие художники-портретисты. Нередко хотели они запечатлеть образ писателя в момент, когда тот играл в шахматы. Так, М. В. Нестеров, подчеркивавший, что для его картины ему нужен Толстой сосредоточенным, самоуглубленным,

рисовал Льва Николаевича во время его игры с В. Г. Чертковым. «Работаем на воздухе, около террасы. Л. Н. увлекается игрой, забывая, что позирует, тогда я предлагаю «отдохнуть»... Думаю написать с него голову и сделать абрис фигуры, остальное дописать по этюдам» (57, II, 199).

За шахматной игрой рисовал Толстого и Илья Ефимович Репин. Он познакомился с Толстым еще в 1884 году в Москве, затем неоднократно приезжал в Ясную Поляну, писал портреты и иллюстрировал произведения Толстого. Летом 1891 года он пробыл в Ясной Поляне более двух недель. За это время им было сделано много этюдов и набросков для будущих картин. Художник изображал писателя в разные моменты жизни: в яснополянском «кабинете под сводами» и за чтением, на пашне и косьбе, на отдыхе в лесу и в саду.

Дважды рисовал Репин Толстого играющим в шахматы. Это были наброски с натуры. Один из них представлял собой поясной портрет, почти в профиль. Толстой порывисто переставляет фигуру на шахматной доске. «Шах королю!» — так назвал художник этот рисунок.

Еще более выразителен другой этюд: «Л. Н. Толстой за шахматами». Он интересен тем, что шахмат на рисунке нет. Перед нами набросок портрета. Толстой крепко оперся на стол правой рукой. Одежда и руки едва очерчены. Все внимание обращено на глаза и брови. Они столь выразительно характеризуют процесс творческого мышления, а вся поза — состояние напряжения, что не возникает и тени сомнения: именно так, сосредоточенно и самоуглубленно, должен был Толстой играть в шахматы.

Вот что писал Репин Татьяне Львовне Толстой под впечатлением пребывания в эти дни в Ясной Поляне: «Сколько особенных эпизодов, так западающих в душу, настойчиво преследующих, побуждая выразиться в какой-нибудь художественной форме. И все это только аксессуар, только фон для главной фигуры. Маститый человек с нависшими бровями, все сосредоточивая в себе, своими добрыми глазами, как солнцем, освещает все. Как бы ни унижал себя этот гигант, какими бы бранными лохмотьями он ни прикрывал свое могучее тело, всегда в нем виден Зевс, от мановения бровей которого дрожит весь Олимп»

Таким могучим Зевсом изобразил Репин писателя и за шахматной игрой...

Л. Н. Толстой за шахматами. Рисунок И. Е. Репина, 1891 г.

В 90-х годах усилился приток гостей в Ясную Поляну. К Толстому приезжали сторонники его учения, известные деятели культуры. Ему на отзыв посылали свои книги начинающие литераторы и уже известные мастера пера. Все это наложило своеобразный отпечаток на характер отдыха в вечерние часы. Все реже и реже выдавался вечер, который он мог посвятить только шахматной игре. Приходилось чаще совмещать игру с беседой с посетителями, слушанием музыки, а иногда даже чтением вслух. У Толстого была необычайная способность одновременного восприятия нескольких разных предметов, одновременной работы мысли в различных направлениях.

Вот как описывает один из очевидцев вечер в Ясной Поляне летом 1895 года:

«Часам к девяти все обитатели яснополянской усадьбы, как постоянные, так и случайно в ней гостящие, собирались к вечернему чаю... Граф всегда приносил с собой из кабинета какую-либо из бесчисленных книг, присылаемых авторами на суд его со всех концов мира... И кто-либо из присутствовавших принимался за чтение.

Л. Н. располагался тут же за круглым столом, где — каждый с какой-либо работой, не требующей напряжения мысли, — усаживались члены его семьи. Сбоку приставлялся небольшой столик для шахмат, партия которых составляла излюбленное спортивное удовольствие графа.

Совершая одновременно двойную работу мысли, Л. Н. по временам терял нить слушаемого и тогда обращался к лектору с просьбой повторить прочитанное; а иногда, заинтересовавшись развитием мысли автора, откидывался в кресле и на некоторое время приостанавливал игру.

Так одна-две партии шахмат и несколько глав нового романа занимали первую половину вечера. Вторая большей частью посвящалась музыке» (12, 3).

Некоторые известные русские музыканты и композиторы были близкими друзьями Л. Н. Толстого. Среди них — Сергей Иванович Танеев и Александр Борисович Гольденвейзер. Оба они увлекались шахматами и часто оказывались партнерами Льва Николаевича за шахматной доской.

Бывало не проходило дня, чтобы Толстой не сыграл с ними одной-двух партий. С Танеевым он особенно много играл летом 1895 и 1896 годов, когда композитор подолгу гостил в Ясной Поляне. В матчах между ними перевес

*Л. Н. Толстой играет в шахматы с С. И. Таневым.
Ясная Поляна, 1895 г.*

был явно на стороне Льва Николаевича. Это побудило Толстого одно время давать своему противнику вперед коня. Но тогда перевес склонялся на сторону Танеева, после чего борьба снова велась на равных.

В «Дневниках» Танеева часто упоминается об этих шахматных встречах. Вот несколько примеров:

«27 июня (1895 года) ...Вечером играл в шахматы с Л. Н., причем из двух партий одну проиграл.

(1 июля) На другой день Л. Н. косил и пришел к ужину усталым, хотя немного поспавши, после ужина оживился, играл с ним две партии в шахматы.

3 июля... Сели играть в шахматы; игра затянулась до половины двенадцатого. Все ушли, мы остались вдвоем с Л. Н. (29, 59—63)».

Несколько раз в записях Танеева упоминается о том, что игра в шахматы совмещалась с чтением книг.

«27 мая (1896 года)... Вечером, во время партии в шахматы, Софья Андреевна читала отрывки из биографии, которую она подготавливает (письма Тургенева).

14 июля... После ужина, во время шахматной игры, кончили чтение повести Тургенева «Первая любовь» (29, 195—200)».

Как-то раз, желая услышать новое сочинение С. И. Танеева, Лев Николаевич перед началом партии поставил условием: если соперник проиграет, то исполнит произведение по выбору победителя. Танеев согласился, но потребовал в свою очередь того же от писателя: если он проиграет, то прочтет какое-либо свое произведение. Играя лучше своего противника, Толстой, однако, на этот раз так волновался, что потерпел поражение, и даже неожиданно быстро. Пришлось подчиниться и прочесть главы из неоконченного романа «Воскресение». В дальнейшем победу большей частью одерживал Толстой. Поэтому родные и гости чаще слушали фортепианные концерты Танеева...

В том же 1896 году у Толстого стал бывать А. Б. Гольденвейзер. Он любил наблюдать за игрой писателя с Танеевым. «Я не решался заявить о том, что тоже умею играть», — писал в своем дневнике Гольденвейзер. Но уже в следующем году можно было часто застать его за шахматной доской с Толстым.

В те годы Л. Н. Толстой играл иногда в шахматы также с известным московским врачом Павлом Сергеевичем Усо-

вым, с учителем своих младших детей Алексеем Митрофановичем Новиковым, со своим сыном Сергеем и многими другими.

Сильным шахматистом считался А. М. Новиков. Во встречах с Толстым перевес был на его стороне. Он «играл, не глядя на игру, и всех нас этим удивлял», — писала Софья Андреевна в «Дневнике». Однажды — это было 10 января 1891 года — он вел таким образом партию против двух консультантов — Л. Н. Толстого и художника Н. Н. Ге (33, I, 167).

Толстому приятно было наблюдать, как с каждым годом все сильнее играл в шахматы его старший сын. Этому значительно помогла его интенсивная игра по переписке²². Бывало, приехав в Ясную Поляну, С. Л. Толстой подолгу просиживал за разбором той или иной партии или дебюта. Вот когдагодились шахматные книги, подаренные ему в свое время Урусовым. Столь сильного увлечения шахматами не могла, правда, понять Софья Андреевна. Вот две ее характерные записи (1899 г.).

«12 ноября. Приехал Сережа, сидит целыми днями, углубившись в шахматные задачи. Странно!

13 ноября. Вечером Лев Николаевич играл в шахматы с Михаилом Сергеевичем (Сухотиным). А Сережа даже жалок: с утра молча сидит перед шахматной доской с серьезным лицом, решает задачи, и так до ночи» (33, III, 126—127).

В конце 80 и 90-х годов Толстой встречался также с С. С. Урусовым.

ПОЕЗДКА В СПАССКОЕ

Дважды ездил Толстой к своему другу С. Урусову в Спасское: в 1869 году и двадцать лет спустя, весной 1889 года. На этот раз Льву Николаевичу хотелось побыть немного в уединении, отдохнуть от московской сутолоки²³. И действительно, место для этой цели было выбрано как нельзя удачнее.

Усадьба Урусова стояла на высоком холме. Вокруг — леса, перелески, луга... И лишь у самого подножия урусовской горки расположились два небольших селения — Торбеево и Куроедово, но и они почти не нарушали вековой тишины...

*Л. Н. Толстой играет в шахматы с П. Ф. Самариным в Молоденках,
1891 г.*

Две недели провел здесь Толстой. До сих пор сохранился двухэтажный дом Урусовых, в котором он останавливался, и небольшая церквушка, построенная женой Сергея Семеновича в начале пятидесятых годов. Старики крестьяне и сейчас еще помнят севастопольского героя, отставного генерала Урусова и с гордостью рассказывают о том, что у него гостил великий русский писатель²⁴.

Задушевные беседы с Урусовым, прогулки в лес и деревни Зубцово и Лычово, интересные разговоры с крестьянами, посещение ситценабивной фабрики Кнопа, что находилась в 10 верстах от Спасского,— все это наполнило Толстого новыми впечатлениями. По утрам ему особенно плодотворно работалось. В Спасском он продолжал писать комедию «Плоды просвещения», статью об искусстве. «Очень много и недурно писал Кр(ейцерову) сон(ату)»,— отмечал 5 апреля в «Дневнике» Толстой. Написанное он читал Сергею Семеновичу, к мнению которого всегда внимательно прислушивался.

«...Писал Кр(ейцерову) сон(ату). После обеда читал ее Ур(усову)... Ур(усову) очень нравится. Да и правда, что ново и сильно» (т. 50, стр. 62).

С. Урусов был полон восторга от приезда Толстого. В письме к Софье Андреевне он писал: «Я уже помолодел душою от его здесь пребывания...».

Неизвестно, играли ли Толстой и Урусов в шахматы в Спасском. Но, по всей вероятности, разговор о них был. Едва ли случайным явилось упоминание о шахматах в письме, отправленном Толстому вскоре после его отъезда из Спасского: «В час отдыха, когда Вы возьметесь за пасанс, расставьте шашечницу и проследите по нум. 102 (15 апреля) шахм(атную) партию, игранную в Гаване между нашим Чигориным и первым европейским игроком Стейницем». То была 13-я партия матча на первенство мира по шахматам²⁵. Чигорин, игравший белыми, одержал в ней победу на 58-м ходу. Одно время партия эта клонилась к ничьей, но на 22-м ходу Чигорин жертвой коня обострил игру и создал атаку на короля противника. Стейниц упорно защищался. На 46-м ходу белые, как указывал Урусов, могли форсировать выигрыш красивым матом, но поспешили разменяться ферзями, что затянуло борьбу. Это послужило Урусову основанием для субъективного вывода: «Опять вижу, что прежде гораздо лучше играли, и таких, как наш Петров и америк(анец) Морфи,— нет.

Отсюда Вы видите, чем я занялся вечером, когда чтение истощилось, от работы устал, а разнообразие занятий дает отдых».

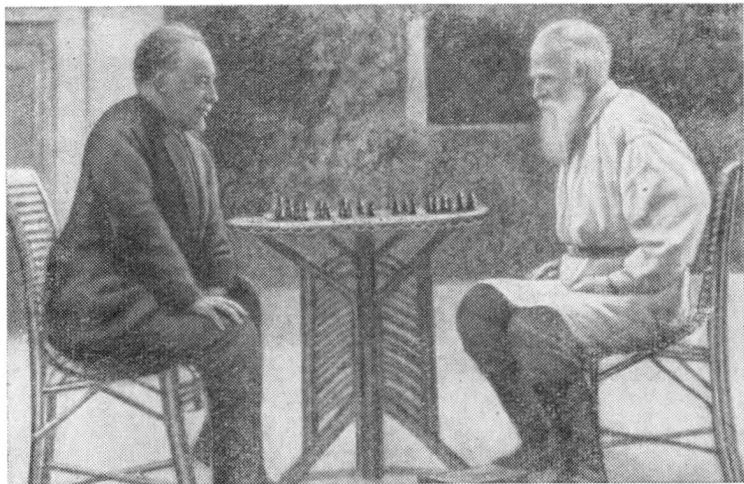
В последние годы своей жизни С. Урусов продолжал поддерживать самую тесную связь с семьей Толстых, проявляя, в частности, большое участие к судьбе своих «крестных». Письма его к Льву Николаевичу, Софье Андреевне и их детям полны внимания, доброты и оригинальных мыслей. За это и любила его письма Софья Андреевна.

Особенно часто переписывался С. Урусов в последние годы с С. А. Толстой. Незадолго до смерти, 23 августа 1897 г., он писал ей из Спасского: «Милая и дорогая кума! Очень уж Вы меня порадовали Вашим письмом! Оно встретилось с моим поздравительным. Все известия Ваши очень приятны, в особенности о занятиях Льва Ник(олаевича)... Я должен быть здесь до 5 сент(ября), потом, как в прошлых годах, в Москве, где и надеюсь видеть Вас и Ваших; если же не застану в Москве — двинусь в Ясную. На старость лет надо хоть раз побывать у Вас и вспомнить со Л. Н. блаженную старину». Однако ему так и не суждено было больше встретиться с Л. Н. Толстым. Вскоре он тяжело заболел, а 20 ноября 1897 года скончался.

21 ноября С. А. Толстая отправила из Москвы в почтовую станцию Ясенки, Тульской губернии, письмо мужу: «Посылаю телеграмму с известием о смерти Урусова. Очень жаль, старые друзья уходят, а новых нет. И так мне грустно...»

Толстой пережил своего друга на 13 лет. Все эти годы он не раз вспоминал о нем в беседах со своими близкими и друзьями. Об этом свидетельствуют «Записки» Д. П. Маковицкого, «Дневник» А. Б. Гольденвейзера²⁶.

Образ С. Урусова был запечатлен и в отдельных произведениях Толстого²⁷. В январе 1899 года Толстой в ответ на обращение к нему группы представителей шведской интеллигенции написал письмо «По поводу конгресса о мире. Письмо шведам». В этом письме Толстой показал, что созыв конференции для прекращения непрерывных вооружений и предупреждения будущей войны представлял собой тогда праздную и лицемерную затею, выгодную для тех, кто под ее прикрытием готовился к войне. Пока будут войска и вооружения, всякие переговоры на конференции окажутся пустой болтовней. Л. Толстой в письме приводит следующий эпизод из Крымской войны 1854—1855 годов:

*Л. Н. Толстой играет в шахматы с М. С. Сухотиным,
Ясная Поляна, 1903 г.*

«Я помню, во время осады Севастополя, я сидел раз у адъютанта Сакена, начальника гарнизона, когда в приемную пришел князь С. С. Урусов, очень храбрый офицер, большой чудака и вместе с тем один из лучших европейских шахматных игроков того времени²⁸. Он сказал, что имеет дело до генерала. Адъютант повел его в кабинет генерала. Через десять минут Урусов прошел мимо нас с недовольным лицом. Провожавший его адъютант вернулся к нам и, смеясь, рассказал, по какому делу Урусов приходил к Сакену. Он приходил к Сакену за тем, чтобы предложить вызов англичанам сыграть партию в шахматы на передовую траншею перед 5-м бастионом, несколько раз переходившую из рук в руки и стойвшую уже несколько сот жизней.

Несомненно, что было бы гораздо лучше сыграть на траншею в шахматы, чем убивать людей. Но Сакен не согласился на предложение Урусова, понимая очень хорошо, что сыграть в шахматы на траншею можно бы было только тогда, когда бы было полное взаимное доверие сторон в исполнении поставленного условия. Присутствие же войск, стоявших перед траншеей, и пушек, направляемых на нее, показывало, что доверия этого не существует. Пока были войска с той и другой стороны,— было ясно,

что дело решится не шахматами, а штыками. Точно то же и с международными вопросами» (т. 90, стр. 60—66).

...Так неразрывно переплетались жизненные линии двух разных по судьбам, характерам и деятельности людей. 6 февраля 1906 г. Толстой писал П. А. Сергеенко: «У меня было два (кроме А. А. Толстой, это третье) лица, к которым я много писал писем и, сколько я вспоминаю, интересных для тех, кому может быть интересна моя личность. Это — Страхов и кн. Сергей Семенович Урусов».

ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ

В последние годы жизни Толстого шахматная игра стала неотъемлемой частью давно выработанного режима. Лев Николаевич в определенный час вставал, шел на прогулку, работал, принимал посетителей. Также ежедневно он в определенный час — обычно вечерами — играл в шахматы. И только отсутствие партнера или тяжелый недуг могли помешать этому.

Чем же объяснить такое горячее увлечение Толстого в пожилом возрасте шахматной игрой? Ведь ему шел уже восьмой десяток, и, казалось бы, шахматы могли только его утомлять при и без того напряженной умственной работе? На эти вопросы мы находим ответы как в высказываниях самого писателя о шахматах, так и в воспоминаниях современников. Если в юные годы Толстой видел в шахматах средство для развития умственных способностей, памяти, воли, характера, а в среднем возрасте — удовольствие, доставлявшее огромное наслаждение красотой комбинации, то в последние годы он находил в них прежде всего возможность хорошо отдохнуть. Раньше он мог подолгу сидеть за доской, обдумывая ход за ходом... Теперь же игра его была более импульсивной, быстрой, стремительной. За час-другой он успевал сыграть две-три партии.

Толстой после напряженной писательской работы чувствовал к концу дня потребность в другой, резко отличающейся от нее умственной нагрузке. Ее-то и находил он в шахматах. Толстой говорил: «Я люблю шахматы потому, что это хороший отдых; они заставляют работать головой, но как-то очень своеобразно...» (26, I, 257). Развивая эту мысль, Л. Толстой (об этом рассказал впоследствии А. Голь-

денвейзер) утверждал, что шахматы его не утомляют, что они являются для него лучшим отдыхом, так как занимают, вероятно, совсем другие умственные центры, чем те, которые утомлены его предшествующей работой (30, 2).

Шахматы Толстой ценил и за то, что они позволяли хотя бы на время отвлечься от жизненных неприятностей и печалей. «Шахматы,— говорил он,— прекрасное развлечение: за игрой мы отдыхаем от работы и забываем о своих невзгодах» (47, 364).

Шахматы и музыка — вот две большие радости, которые позволяли Толстому забывать порой о невзгодах минувшего дня. Однажды, вспоминает Гольденвейзер, после обеда они играли в шахматы. По окончании партии Лев Николаевич сказал ему:

— Когда мы с вами молчали за шахматами, я все думал, что предстоит еще радость — музыка (26, I, 261).

Что именно так (как к радостному отдыху!) относился к шахматам Толстой, подтверждают все родные и друзья писателя. Софья Андреевна, например, записала в своем «Дневнике» 23 декабря 1900 года: «Лев Николаевич все осаждаем людьми. Вчера приехали пятнадцать американок и два американца смотреть знаменитого Толстого... Еще приезжали молокане и сектанты, желающие переселиться в Канаду, по примеру духоборов, и обратились за советом к Льву Николаевичу. Эти толпы людей очень утомляют его, и он рад бывает, когда приедут люди своего круга, как Бутенев, или когда кто-нибудь играет с ним в шахматы, как сегодня сын Ильи и Вас. Маклаков».

Даже во время дневных прогулок, когда Толстой любил размышлять о смысле жизни, о вопросах, которые предстояло разрешить в том или ином произведении, он замечал, как иногда мысль непроизвольно переходила на шахматы, на шахматные аналогии... В тот же день эти мысли заносились в «Записные книжки» и «Дневники».

Так бывало и во время бесед с друзьями и знакомыми. Сравнивая шахматы с жизнью, Толстой восхищался многообразием их комбинационных возможностей, неожиданностью появлявшихся в ходе игры ситуаций и какой-то глубокой внутренней закономерностью борьбы, скрывающейся за далекими и всесторонними расчетами шахматиста. Эти-то моменты и привлекали внимание писателя, когда он прибегал к шахматам для сравнения или сопоставления с каким-либо жизненным явлением. Вот несколько выска-

званий Толстого, относящихся к последним годам жизни и записанных его современниками.

*

«У Паскаля сказано: — это я себя хочу похвалить,— «чем умнее человек, тем больше различных характеров он видит». Это, как в шахматы: хороший игрок видит все разнообразие партий, а плохому кажется, что они все одинаковые» (26, II, 132).

*

«Удивительно — во всяком, даже маленьком деле нужно обдумать все много раз со всех сторон, прежде чем сделать. Все равно, если будешь рубаху шить или даже просто делать шахматный ход. И если не обдумаешь, сразу все испортишь — рубахи не сошьешь, партию проиграешь» (26, I, 162).

*

«Как в шахматах бывают совершенно неожиданные совпадения и случайные комбинации, так еще удивительнее это бывает в жизни» (26, II, 76).

*

«Знаете что,— в шахматной игре очень важно помнить, что вся ее сущность не в каких-либо резких выступлениях, в неожиданных и рискованных ходах, а в том расчете, чтобы все это сложное сочетание фигур медленно и без скачков двигалось вперед» (22, 140).

*

«Самоубийца похож на шахматного игрока, партия которого стоит плохо и который вместо того, чтобы играть с удвоенным вниманием, предпочитает сдать ее, смешав фигуры»²⁹.

*

« — Вы не думали за последнее время писать что-нибудь художественное?»

— Нет, очень думал. И, кажется, мог бы осветить многое с новой стороны. Не с точки зрения нравоучения, а мне как-то за последнее время особенно уяснились большие линии характеров, не то что Плюшкин и Собакевич — это более внешние мелкие подразделения,— а мне как-то уяснились целые категории характеров. Как в шахматах всякая фигура имеет свои, только ей свойственные, способы ходов, так мне уяснились таких восемь или десять разнообразных человеческих характеров» (26, I, 306).

*Л. Н. Толстой играет в шахматы с А. Б. Гольденвейзером.
Рис. А. В. Моравова, 6 ноября 1909 г. Ясная Поляна.*

В 1900 году Толстому пришла мысль для объяснения близости всех видов искусства использовать сравнение с клетками шахматной доски. Но каждый раз найденное определение не удовлетворяло писателя, и он искал все новые и новые варианты. В первоначальном виде эта мысль была отмечена в «Записной книжке» в марте 1900 года. 2 апреля в Москве он несколько иначе высказал ее в «Дневнике». Наконец, три месяца спустя, 12 июля в Ясной Поляне Толстой снова возвращается в «Дневнике» к тому же сравнению. Перед нами все три наброска в их хронологической последовательности (т. 54, стр. 218, 24, 29):

«Каждое искусство поле шахматной доски, у каждого есть близко соприкасающиеся др(угие) искусства. Каждое использовано; чтобы работать, надо углубить. А они, захватив другие, думают произвести новое».

«Каждое искусство представляет свое отдельное поле, как клетка шахматн(ой) доски. У каждого искусства есть соприкасающееся ему искусство, как у шахматной клетки клетки соприкасающиеся. Каждая верхняя поверхн(ость) клетки использована,— чтобы работать на ней, т. е. чтобы произвести что-либо ново(е), надо итти глубже. Это трудно.

Тогда люди захватывают соприкасающиеся клетки и производят этой смесью нечто ново(е). Но смесь эта — музыка с драмой, с живописью, лирикой, и обратно — не есть искусство, а извращение его».

«Каждое искусство — шахматное поле, кот(орое) надо углубить, чтобы найти новое. Люди же, не могущие углубить, перехватывают в свое поле из соседн(их) искусств и думают, что творят новое: поэзия — музыку, и наоборот, живопись — поэзию и т. д.»

Так шахматы вторгались порой в творческую лабораторию писателя.

Шахматная игра, ее комбинации неисчерпаемы. В этом разнообразии идей и комбинаций, в этой неисчерпаемости шахматного мышления заключена была для великого русского писателя большая притягательная сила.

В ЯСНОЙ ПОЛЯНЕ

Ясная Поляна. От выездных башен широкая аллея — «Прешпект» — ведет к двухэтажному дому Толстого. Здесь, на втором этаже, в гостиной, служившей одновременно и столовой, вечерами в кругу семьи, друзей и гостей отдыхал Лев Николаевич Толстой. Беседа велась обычно за круглым столом. Тут же стоял и рояль и старинное кресло, сидя в котором писатель любил слушать музыку. Входя в парадную комнату, посетитель обращал внимание на находящийся недалеко от рояля небольшой квадратный шахматный столик, верхняя доска которого была составлена из красивых майоликовых синих и светло-зеленых плиток³⁰.

Бросались в глаза и массивные шахматные фигуры из полированного дерева, подклеенные снизу зеленым сукном. То были знаменитые стаунтоновские шахматы. Их привез из Англии В. Г. Чертков и подарил Льву Николаевичу. Этими шахматами и за этим столиком Толстой играл обычно в последние годы. Рядом, на диване или за круглым столом, располагались художники, когда они рисовали Толстого за игрой в шахматы. Репин, Ге, Трубецкой, Мешков, Татьяна Львовна и другие художники и скульпторы получали в эти часы «право» на сеансы³¹.

Кто же был партнером Л. Толстого? Как обычно, друзья, знакомые, посетители. Кроме уже упоминавшихся С. Толстого, М. Сухотина, А. Гольденвейзера, С. Танеева,

Э. Моода, здесь чаще других можно было встретить среди играющих В. Г. Черткова и его сына Владимира, литераторов П. Сергеенко и А. Хирьякова, финского писателя А. Эрнефельта и других. Некоторые из них — Сергеенко, Сухотин, Чертков — большей частью проигрывали Толстому, другие — старший сын писателя, Хирьяков, Гольденвейзер, Моод, — хотя и не могли подчас избежать поражений, все же насчитывали в своем активе гораздо больше единиц, чем нулей³².

Особенно часто играл Лев Николаевич с А. Б. Гольденвейзером, пианистом, профессором Московской консерватории. Александр Борисович вел даже счет этим встречам: всего они сыграли между собой свыше 600 партий. К сожалению, ни одна из них не была записана. Но зато Гольденвейзер вел дневник, в который заносил все высказанные писателем интересные мысли, в том числе в области шахматного искусства. Они вошли позднее в его книгу «Вблизи Толстого».

Следует сказать, что не только как музыкант, но и как шахматный партнер Александр Борисович представлял в те годы большой интерес для великого русского писателя. Так же, как и Толстой, Гольденвейзер страстно любил шахматы. Это увлечение возникло у него еще в детские годы, так как в семье Гольденвейзеров шахматы были любимой игрой³³. Он помнит, как у них в гостях в Москве бывал великий русский шахматист М. Чигорин. До сих пор в библиотеке Александра Борисовича хранится подаренный его отцу сброшюрованный комплект чигоринского журнала «Шахматы» за 1894 год с автографом: «Борису Соломоновичу Гольденвейзеру на память о международном шахматном турнире в Лондоне в 1899 году. М. Чигорин. 4 мая 1899 г.».

С 1904 года А. Б. Гольденвейзер проводил лето в Телятинках (доме Александры Львовны Толстой), которые находились всего в 3,5 километра от Ясной Поляны. Там же по возвращении из Англии жил В. Г. Чертков. Во время прогулок Лев Николаевич перед обедом часто заезжал в Телятинки верхом. И при этом всегда почти играл в шахматы. Однажды он даже сказал, что не будет заезжать больше, иначе создается впечатление, что он приезжает не для того, чтобы видеть друзей, а чтобы поиграть в шахматы...

Но еще чаще Гольденвейзер бывал в Ясной Поляне.

*Л. Н. Толстой играет в шахматы с В. В. Чертковым,
Ясная Поляна, 1907 г.*

И, можно сказать, постоянно приход ● завершался игрой в шахматы и затем на фортепиано.

В самые последние годы нередко играл с Львом Николаевичем сын Черткова Владимир Владимирович, которого в семье Толстых называли Димой. Он научился играть семи лет, когда жил с родителями недалеко от Ясной Поляны и часто бывал у Л. Н. Толстого вместе с отцом. Небезынтересно, что его первой учительницей в шахматах была дочь Толстого Мария Львовна. «Шахматные уроки, полученные от нее,— вспоминает В. В. Чертков,— дали мне возможность «со знанием дела» следить за развитием событий в партиях Льва Николаевича... Он обычно побеждал моего отца, бывшего постоянным его противником». В 1907 году Чертковы после десятилетнего перерыва, вызванного высылкой их царским правительством за границу, снова поселились вблизи усадьбы Толстого. «Возобновились и шахматные поединки. Теперь я участвовал в них уже не в качестве зрителя, а как партнер Льва Николаевича» (48, 4).

Среди партнеров Льва Николаевича в эти годы следует особо отметить англичанина Эльмера Моода, известного переводчика и автора крупных монографий о жизни Тол-

стого, выходявших в разные годы в Англии. В своих работах Моод уделяет некоторое внимание и шахматным увлечениям писателя. Он оказался единственным шахматистом, который записал иггранные Толстым партии. Им были опубликованы две партии. В одной из них, иггранной в 1906 году, Толстой белыми хорошо использовал оплошность противника в гамбите Сальвио, развил сильную атаку на короля и под угрозой скорого мата вынудил Моода к сдаче уже на 21-м ходу. В другой партии — она также игралась в Ясной Поляне, но три года спустя — Лев Николаевич играл черными испанскую партию и потерпел поражение на 24-м ходу. Толстому был тогда 81 год. Обе партии Толстого были напечатаны в книге Моода «Жизнь Толстого в последние годы», вышедшей в Лондоне в 1911 году на английском языке.

Но первая партия публиковалась в печати еще раньше. Уже вскоре после того, как она была сыграна, Моод отправил ее в «Таймс», где она и появилась впервые с его комментариями.

В дальнейшем партия стала широко известной: 22 апреля 1907 года ее перепечатали воскресные приложения к ежедневной рижской газете, где партии была предпослана статья «Толстой как шахматист», в мае того же года — лейпцигский журнал «Дейтше шахцейтунг». Позднее мы встречаем ее воспроизведенной в шахматных учебниках Корделя, Минквица и других авторов.

По мнению Минквица, эта партия «показывает, что Лев Толстой до глубокой старости оставался довольно сильным шахматистом».

Как же все-таки играл Толстой? Конечно, только на основании этих двух его партий с Моодом нельзя делать какие-либо широкие выводы. Тем не менее, партии эти все же дают некоторое представление об его игре в последние годы. Особенно если к этому прибавить многочисленные воспоминания современников Толстого.

ЗА ШАХМАТНОЙ ДОСКОЙ...

В конце 1909 года редакция московского журнала «Шахматное обозрение», узнав, что писатель продолжает увлекаться шахматами, прислала ему свои номера за три последних месяца²⁴. Но Лев Николаевич не имел в это время возможности заниматься серьезно шахматной теорией.

Играя для отдыха, он ограничивался в области дебютов старыми познаниями и применял только открытые начала, преимущественно дебют слона и различные разветвления королевского гамбита.

Бывали, правда, случаи, когда Лев Николаевич, проиграв партию и стремясь найти причину поражения, иногда сам анализировал дебютные продолжения. Так, в записи Гольденвейзера от 18 августа 1909 года мы читаем:

«Я не был накануне, и Лев Николаевич (он последнее время все проигрывал мне в шахматы черными гамбит Альгайера) сказал мне:

— Представьте, я до того осрамился, что вчера — вы не приехали,— а я расставил шахматы и смотрел, как защищаться, и, кажется, нашел.

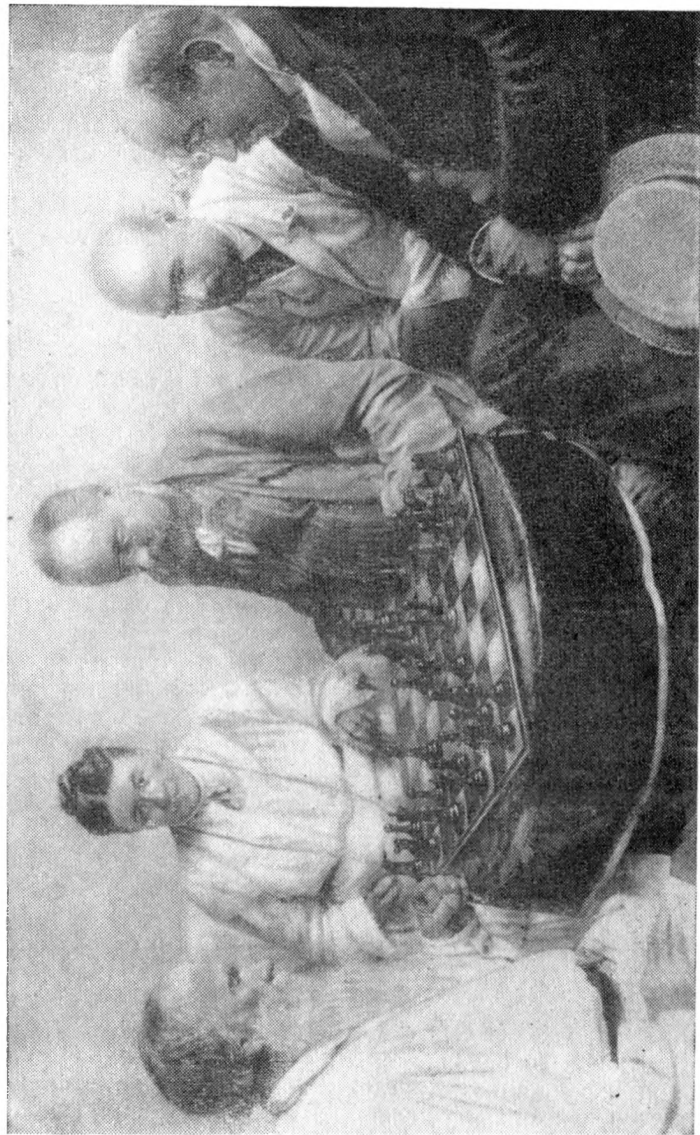
Я сыграл с М. С. Сухотиным две партии и обе выиграл (тот же дебют), а потом одну со Львом Николаевичем, и выиграл он. Ему, кажется, было приятно и то и другое» (26, I, 297).

Аналогичный эпизод описывает Гольденвейзер и год спустя, 24 июля 1910 года.

«Я прошел к Льву Николаевичу. Там сидели Софья Андреевна и Ольга Константиновна. Лев Николаевич сидел в халате в углу в кресле, перед ним на раздвижном столике были расставлены шахматы, и он анализировал гамбит Муцио. Он не брал пешки е6, а отступал ферзем с f6 на f5. Мы сыграли. Получилась очень живая партия, которую Лев Николаевич выиграл. Я сказал ему, что это у нас 599-я партия. Он удивился, что я записываю, и не ожидал, что мы сыграли так много» (26, II, 159—160).

Стиль игры Л. Толстого был острым, атакующим. По мнению Гольденвейзера, Толстой обладал несомненными способностями к шахматам, в частности большой комбинационной изобретательностью. Такого же мнения был и старший сын Толстого: «Некоторые его комбинации,— отмечал С. Л. Толстой,— были оригинальны и остроумны, и я думаю, что если бы он поработал над шахматами, он мог бы стать сильным игроком» (47, 364).

Лев Николаевич был смелым, бесстрашным человеком. Это его качество проявлялось много раз в жизни. Не боялся он риска и в шахматах, смело нападал на противника. Атаки его, как правило, сопровождались жертвами фигур. И хотя нападения его, видимо, не всегда были позиционно

Л. Н. Толстой играет в шахматы с М. С. Сухоطينым в кругу семьи, Ясная Поляна, 1908 г.

обоснованы, они свидетельствовали о постоянном стремлении Льва Николаевича к острой, напряженной борьбе.

Характерен эпизод, рассказанный А. П. Сергеенко и относящийся к лету 1907 года. Как-то вечером Толстой спросил собравшихся в гостиной гостей — не играет ли кто в шахматы. «...Я счел своим долгом открыться,— пишет А. Сергеенко.

— Ах, вот как, ты играешь? Я не знал. Вот отлично! Ну, давай сыграем,— сказал Лев Николаевич, довольный.

Расставили шахматы, он взял в одну руку белую, в другую черную фигуру, зажал их и протянул руки ко мне для выбора. Мне досталась белая. «Ну,— думаю,— обыграю же я Льва Толстого!» Но он с первых же шагов стал меня так неистово атаковать и штурмовать, что я сразу же растерялся, делал один шаг неудачнее другого, а он в своей неукротимости брал у меня фигуру за фигурой, а я видел, что мчусь к верной бесславной гибели. Думаю: чтобы не так мне постыдно было, лучше заблаговременно прекращу игру. И я робко сказал ему, что сдаюсь.

— Да нет, ты еще борись, еще есть ходы,— ответил Лев Николаевич».

Но через ход партнер его все же снова повторил, что он сдается. Лицо Толстого выражало полное разочарование. Ему как будто стало скучно. В это время подошел к столу В. В. Чертков. Посмотрев на доску, он изъявил желание продолжить игру.

«Я уступил ему место и взглянул на Льва Николаевича. Лицо его мгновенно преобразилось. Оно все заиграло улыбкой, глаза оживились, и он, видимо, любовался Димой.

— Вот, вот, Димочка, ну-ка изворачивайся!

Лев Николаевич сосредоточился, взгляд его сделался острым...

Дима, подолгу* думая, упорно боролся со Львом Николаевичем. При малейшем более или менее удачном его ходе Лев Николаевич почти восхищался:

— Хорошо, Димочка! Превосходно! Прекрасный ход!

Потом он испытующе спросил его как будто с некоторой лукавостью:

— А, может быть, сдашься?

...Дима упорствовал, все не сдавался.

— Гм! Гм! — весело-недоуменно произносил Лев Николаевич.— Ай да Димочка! Молодец! Борись, борись! Не уступай!» (35, 3).

Л. Толстой предпочитал играть с более сильными противниками. П. Сергеенко вспоминает, как во время какого-то разговора Толстой с дружеской улыбкой обратился к одному из своих гостей:

«— Смотрю я на вас и думаю: вы плохо играете в шахматы или нет?»

— Ну, как вам сказать, Лев Николаевич? Но у Сергея Львовича я выигрывал иногда.

— Вот как! Тогда отлично. Сережа играет лучше меня. И мы с вами сыграем непременно» (16,2)⁵⁵.

Многих поражало удивительное самообладание Толстого во время каких-либо тяжелых случаев жизни. А. Б. Гольденвейзер рассказывает, как однажды во время игры в шахматы с Львом Николаевичем Толстым прибыла полиция, чтобы арестовать его секретаря Н. Н. Гусева. Они прервали партию. Лев Николаевич был сильно расстроен, слезы стояли в его глазах.

Тем не менее, когда полиция ушла, они снова сели за шахматы, и, вспоминает Гольденвейзер, Толстой «все-таки предложил мне доиграть прерванную всей этой историей шахматную партию» (26, I, 283—284).

Еще одна характерная черта игры Л. Толстого. Он, как правило, не любил брать ходов назад. П. Сергеенко в одной из своих статей вспоминает, что Толстой играл очень быстро и боялся долгодумов. Вот «в несколько минут Лев Николаевич приводит своего растерявшегося партнера к сдаче и старается утешить его:

— Очевидно, вы редко играете... Сыграемте еще...

Начинается вторая партия (В это время рядом начинается разговор, в котором участвует и партнер Толстого).

Лев Николаевич смотрел сосредоточенно на шахматы.

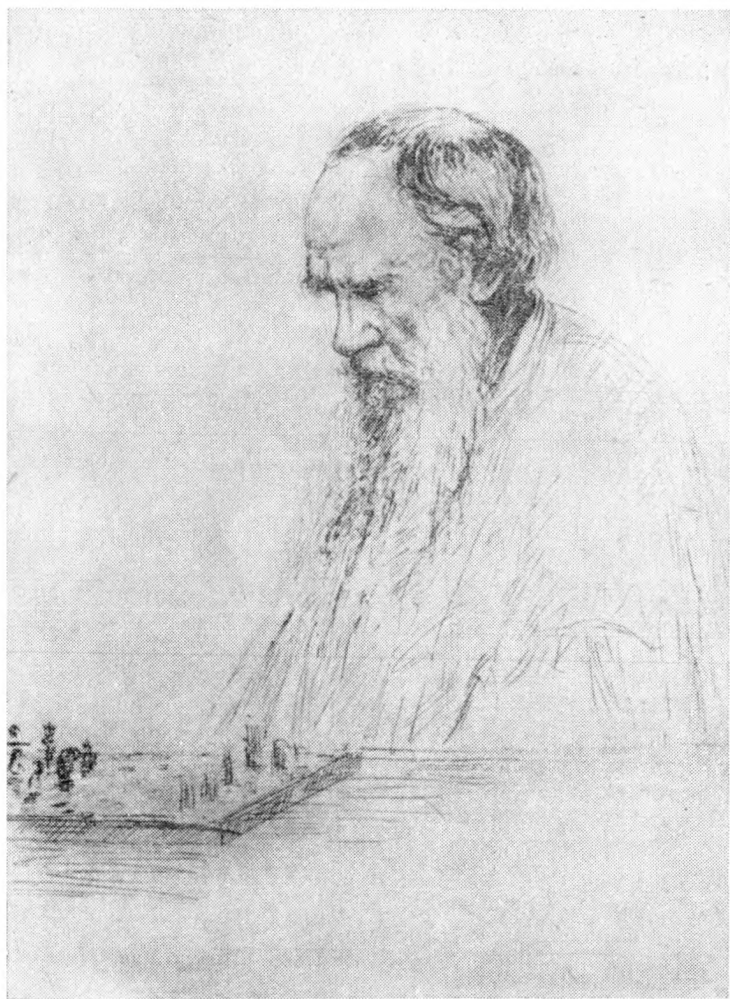
— Вам не мешает наш разговор?

— Нет, нет, пожалуйста,— говорил он весело, но делает неудачный ход и вскрикивает голосом отчаяния:

— Ай, что я сделал!

Однако предложение партнера переменить ход отклоняет, теряет фигуру за фигурой и, исчерпав все усилия, сдается.

— Теперь я начинаю питать к вашей игре некоторое уважение. Давайте третью,— говорит с оживлением Лев Николаевич, с места ведет атаку и в несколько минут разбивает на голову своего партнера» (16, 2).

Л. Н. Толстой за шахматами. Рис. Т. Л. Сухотиной.

Как показывает только что приведенный пример, на выигрыш или проигрыш Толстой реагировал обычно очень эмоционально. «Мне совестно признаться, что мне приятно выигрывать», — говорил он нередко, одержав победу. «Это смешно, но я не могу удержать улыбки от того, что выиграл», — сказал он как-то одному из гостей, наблюдавшему за игрой. А однажды, хорошо выиграв партию у Гольденвейзера, он воскликнул: «Я необыкновенно горд!» (26, II, 206) **.

И, наоборот, поражения в шахматной партии ему бывали неприятны. «В момент катастрофы, когда его увлекательные шахматные комбинации — иллюзии рассыпались, как картонный домик, от простого или непредусмотренного, опровергающего хода, Лев Николаевич приходил в неопишуемый ужас, хватался за голову и вскрикивал так громко, что не знавшие, в чем дело, пугались, — пишет Гольденвейзер. — Когда же атака удавалась и партия приходила к победному концу, Лев Николаевич искренне радовался. Он сохранил до конца дней своих эту способность подлинного гения испытывать детскую, непосредственную радость...» (26, I, 385).

Толстой иногда сам подсмеивался над тем, как он выражал свои чувства во время игры. Как-то Лев Николаевич сказал:

— Мы с Сухотиным ровно играем, только он играет спокойно, а я вот по молодости лет все увлекаюсь.

Еще в 90-х годах у Толстого, как уже указывалось, часто проявлялась удивительная способность, играя в шахматы, параллельно слушать чтение книги или участвовать в разговоре. Это отмечают и многие игравшие с ним в шахматы в девятисотые годы. Скульптор И. Гинцбург вспоминает, например, что во время одной из партий с Львом Николаевичем он заметил, что писатель часто оглядывался в сторону соседней комнаты, где шел очень оживленный разговор: кто-то упрасивал собеседницу печатать мемуары. Она отказывалась. «Наша игра идет к концу, я углубляюсь, Лев Николаевич, обдумывая ход игры и сделав решительный шаг, говорит: «Сдалась она». Потом я узнал, что в соседней комнате проситель победил. Она согласилась отпечатать свои мемуары» (19, 120).

Наконец, хотелось бы указать и на известное стимулирующее значение шахмат в последние годы жизни Толстого.

Нередко на это указывают в своих воспоминаниях современники писателя. 4 сентября 1908 года, например, Гольденвейзер записал: «Лев Николаевич сначала был вялый. Потом оживился. Играли в шахматы (ничья)» (26, I, 256). Шахматная игра помогала ему легче переносить ту или иную болезнь. Если только во время болезни не предписывался постельный режим, Толстой, как правило, проводил вечера за шахматами. «Лев Николаевич тоже кашляет и насморк, — пишет в своем «Дневнике» Софья Андреевна 20 ноября 1900 года, — по вечерам увлекается шахматной игрой и целыми часами играет то с Мих(аилом) Серг(еевичем), то с Сережей, с Гольденвейзером и пр.» (33, III, 128).

На это не раз указывает в своих записях и врач Д. П. Маковицкий, внимательно наблюдавший за состоянием здоровья писателя. Так, 31 мая 1907 года он фиксирует: «Лев Николаевич плохо спал и утром чувствовал себя слабым. Тем не менее, — пишет он, — «с Гольденвейзером, приехавшим на лето в Телятинки, Лев Николаевич играл в шахматы и выиграл у него партию, а вчера у Сергея Львовича» (ГМТ, стр. 2627).

Последний раз Лев Николаевич Толстой играл в шахматы с сыном Сергеем Львовичем 25 октября (7 ноября) 1910 года, то есть за три дня до своего ухода из Ясной Поляны.

Так сквозь всю жизнь — начиная с юных лет и кончая глубокой старостью — пронес Лев Николаевич Толстой любовь к шахматной игре.

ПАРТИИ ТОЛСТОГО

Королевский гамбит

Л. Толстой

Э. Моод

Ясная Поляна, 17 октября 1906 года³⁷

Королевский гамбит

1.	e2—e4	e7—e5
2.	f2—f4	e5 : f4
3.	Kg1—f3	g7—g5
4.	Cf1—c4	g5—g4
5.	Kf3—e5	Фd8—h4+

Это начало — одно из разветвлений королевского гамбита — получило в шахматной теории название гамбита Сальвио. Моод писал по поводу этой партии:

— Толстой, не изучавший дебюты, удивил меня, дебютируя гамбитом Сальвио. Он заимствовал этот гамбит у своего приятеля, недавно игравшего с ним.

6.	Kpe1—f1	d7—d5

Тут лучшей защитой считается 6. . .Kc6!, что после 7. K : f7 Cc5 8. Фe1 g3! 9. K : h8 Cf2 10. Фd1 Kf6 11. d4 d5 12. ed Cg4 13. Ce2 K : d4 дает в руки черных сильную атаку. Но и ход в тексте не плох.

7.	Cc4 : d5	f4—f3
8.	g2 : f3	Фh4—h3+
9.	Kpf1—e1	. . .

9. Kpg1 позволило бы противнику получить преимущество путем 9. . .gf 10. K : f3 Cc5+ 11. d4 Cg4.

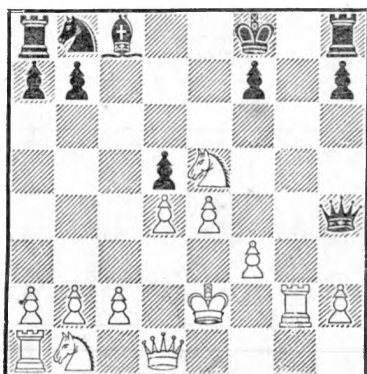
9.	. . .	g4—g3
10.	d2—d4	. . .

Здесь необходимо было 10. $\Phi e2$, ибо после хода в тексте черные имели возможность ходом 10. . . $\Phi g2$ добиться решающего перевеса. Но Моод недооценивает силу этого удара.

10. . . . $g3-g2$
 11. $Lh1-g1$ $\Phi h3-h4+$
 Если 11. . . $\Phi : h2$, то 12. $Ce3$.
 12. $Kpe1-e2$ $Kg8-h6$
 13. $Lg1 : g2$ $c7-c6$
 14. $Cc1 : h6!$. . .

Толстой энергично использует достигнутое преимущество.

14. . . . $c6 : d5$
 15. $Ch6 : f8$ $Kpe8 : f8$

16. $\Phi d1-e1!$. . .
 Лев Николаевич обычно не любил меняться фигурами для достижения быстрой ничьей. Исключение составляли лишь те позиции, где он имел материальный перевес и размен фигур предвещал быструю победу. Об одном из таких случаев рассказал А. Гольденвейзер: «Мне достались белые. Я играл гамбит Муцио и потерял в атаке темп.

Лев Николаевич вынудил размен ферзей. В результате за фигуру у меня остались две пешки. С большим трудом мне удалось свести на довольно любопытную ничью» (26, II, 23).

Аналогичную ситуацию мы наблюдаем и в этой партии: Толстой предлагает размен ферзей, после которого две лишние пешки обеспечили бы ему быструю победу.

16. . . . $\Phi h4-e7$
 17. $Kb1-c3$ $f7-f6$
 18. $Kc3 : d5$ $\Phi e7-d6$
 19. $\Phi e1-g3!$. . .

Белые развили сильную атаку. Теперь они угрожают вскрытым шахом выиграть ферзя (20. $Kg6+$). Ликвидируя эту угрозу, черные, однако, теряют ладью.

19. . . . f6 : e5
 20. Фg3—g7+ Kpf8—e8
 21. Фg7 : h8+ и вскоре белые выиграли.

Испанская партия

Э. Моод

Л. Толстой

Ясная Поляна, 1909 г.

1.	e2—e4	e7—e5
2.	Kg1—f3	Kb8—c6
3.	Cf1—b5	a7—a6
4.	Cb5—a4	b7—b5
5.	Ca4—b3	Kg8—f6
6.	Kf3—g5	d7—d5
7.	e4 : d5	Kf6 : d5

Ошибка, позволяющая белым с выгодой осуществить жертву коня. Следовало играть 7. . . Kd4.

8.	Kg5 : f7!	Kpe8 : f7
9.	Фd1—f3+	Kpf7—e6
10.	Kb1—c3	Kc6—b4

Этим конем нужно было отступить на e7. Теперь же атака белых становится неотразимой.

11.	a2—a3	Cc8—b7
12.	a3 : b4	Ла8—a7
13.	Фf3—g4+	Kpe6—d6
14.	Kc3—e4+	Kpd6—c6
15.	Фg4—e6+	

Черные теряют фигуру. К тому же король их никак не может найти надежного пристанища. В партии еще последовало: 15. . . Cf8—d6 16. Cb3 : d5+ Krc6—b6 17. Cd5 : b7 Ла7 : b7 18. d2—d3 Kpb6—a7 19. Cc1—e3+ Кра7—b8 20. Ла1 : a6 Лh8—e8 21. Фе6—a2 c7—c6 22. Ла6—a8+ Krb8—c7 23. Фа1—a5+ Krc7—d7 24. Ла8 : d8+, и белые выиграли.

Королевский гамбит

М. Сухотин

Л. Толстой

Ясная Поляна, 1908 г.

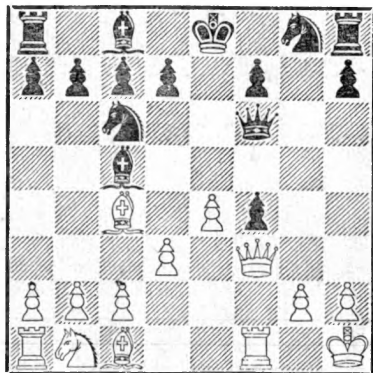
1.	e2—e4	e7—e5
2.	f2—f4	e5 : f4

3. Kg1—f3	g7—g5
4. Cf1—c4	g5—g4
5. 0—0	g4 : f3
6. Фd1 : f3	Фd8—f6
7. d2—d3	Cf8—c5+

Более обороноспособной была бы позиция при слоне на h6. Другой план защиты черных, рекомендуемый современной теорией, связан с ходом 7. . . d5, после которого могло последовать: 8. ed Ch6 9. Kc3 Kbd7 10. Фе4+ Фе7 11. С : f4 Ф : e4 12. К : e4 С : f4 13. Л : f4 Kh6, и шансы сторон примерно равны.

8. Kpg1—h1 Kb8—c6

В этом положении партию между М. С. Сухотиным и Л. Н. Толстым зафиксировал объектив фотоаппарата. Сохранившаяся фотокарточка (ГМТ) позволила восстановить предшествовавшие ходы. Результат же этой встречи неизвестен. Воспоминания современников свидетельствуют о том, что в многочисленных партиях между этими партнерами перевес был, как правило, на стороне Л. Н. Толстого.

Таким же путем было «реставрировано» и другое начало партии между теми же соперниками.

Королевский гамбит

М. Сухотин

Л. Толстой

Ясная Поляна, 1908 г.

1. e2—e4	e7—e5
2. f2—f4	e5 : f4
3. Kg1—f3	g7—g5
4. h2—h4	g5—g4

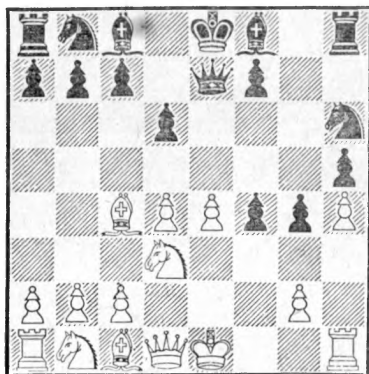

Л. Н. Толстой играет в шахматы с В. Г. Чертковым, Отрадное, Московской губернии, 1910 г.

5. Kf3—e5 h7—h5
6. Cf1—c4 Kg8—h6

Другое возможное в этой позиции продолжение — ход ладьей на h7.

7. d2—d4 d7—d6
8. Ke5—d3 Фd8—e7

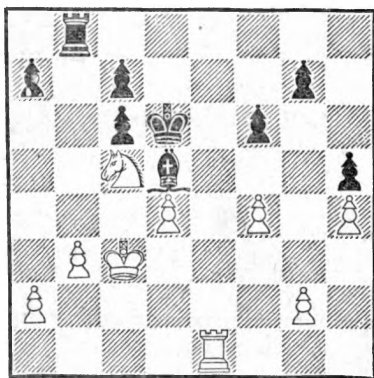

Такую позицию легко различить на одной из хранящихся в Государственном музее Л. Н. Толстого фотографий, где писатель заснят за партией против М. С. Сухотина ³⁸. Положение в партии вполне отвечает требованиям современной шахматной теории и свидетельствует о том, что Л. Н. Толстой и его партнер были хорошо знакомы с разработкой одно-

го из сложнейших продолжений королевского гамбита — гамбита Кизерицкого.

Позиция Л. Толстого, 1897 г.⁹⁹

Эта эндшпильная позиция была нарисована рукой Л. Н. Толстого в «Записной книжке». По-видимому, положение взято из окончания партии между Львом Николаевичем и его сыном Сергеем, который находился тогда в Ясной Поляне и часто играл с отцом. По свидетельству современников, Л. Толстой любил иногда анализировать конечные позиции. По всей вероятности, он играл черными, перед которыми в этой партии возникли трудные проблемы защиты.

Ход черных

ПРИМЕЧАНИЯ

1. М. Горький, В. И. Ленин, М., 1959, стр. 47.
2. См. т. 46, стр. 251. Обычно в книгах и статьях ошибочно указывается другая дата первого упоминания Л. Н. Толстым о шахматах — 7 апреля (например, в книге М. С. Когана «Шахматы в жизни русских писателей», стр. 37, статье С. Л. Толстого «Лев Толстой — шахматист» и других).
3. Жан Жак Руссо, «Исповедь», М., 1949, стр. 273.
4. Гусев Н. Н. Жизнь Толстого, М., 1927, стр. 12.
5. «Великой памяти Л. Н. Толстого. Казанский университет. 1828—1928». Казань, 1928, стр. 109.
6. Из воспоминаний князя Виктора Ивановича Барятинского, «Крымский вестник», 3 декабря 1888, № 227.
7. Об этом Толстой рассказывал С. И. Танееву 23 июня 1896 г. Лев Николаевич вспомнил также отдельные эпизоды из шахматной жизни Тургенева в Париже в 60-е годы. (С. И. Танеев, «Из Дневников», стр. 199—200). Некоторое представление об игре И. С. Тургенева в тот период может дать следующая партия, состоявшаяся в Париже в конце 1861 года: В. Мачусский — И. Тургенев. 1. d4 d5 2. c4 e6 3. Кс3 Сb4 4. f3 c5 5. a3 С : c3+ 6. bc Фа5 7. Cd2 Kf6 8. Фc2 Cd7 9. e4 de 10. fe cd 11. cd Фh5 12. Kf3 Фg6 13. Cd3 Ф : g2 14. Лf1 Кс6 15. 0—0—0 Kg4 16. Lde1 h6 17. d5 Kce5 18. К : e5 К : e5 19. Лg1 Фf3 20. Ле3 Фf6 21. Сс3 К : d3+ 22. Ф : d3 Фе7 23. С : g7 Лg8 24. Лег3 0—0—0 25. Фе3 b6 26. Ф : h6 Фc5 27. Cd4 Ф : c4+ 28. Лс3 Л : g1+ 29. Kpd2 Ф : c3+ 30. Кр : c3 Лg4 31. Фh5 Лf4 32. Фе5 Лf3+ 33. Kpb2 Лg8 34. Сс3 Са4 35. Фd4 Лg2+ 36. Cd2 Cd7 37. h4 Лf2 38. Крс3 Л : d2 39. Фh8+ Kpb7 40. h5 ed 41. ed Cf5 42. h6 Л : d5 43. Фf6 Лс2+ 44. Kpb4 a5+ 45. Кра4 Лс7 46. Kpb3 Лb5+ 47. Кра4 Cd7, и белые сдались. («Шахматный листок», 1862, № 38).
8. Л. Н. Толстой имел возможность по этой книге познакомиться не только с партиями выдающегося мастера, но и с современной шахматной теорией. В той же статье Яниша подчеркивается, что партии Морфи сопровождаются превосходными комментариями Левентали. «Эта книга,— заключает он,— содержит в себе также много новых, превосходных мыслей относительно теории дебютов» («Шахматный листок», 1860 г., стр. 190).
9. В том же томе (т. 14, стр. 108—109) приведены и другие варианты, где имеются сравнения с шахматами. В одном из них утверждается о существовании тактических законов в шахматной игре и о том, что сила мастера заключается в искусстве анализа:

«— Ну, однако, есть же тактические законы, по которым, как в *jeud' échecs* (шахматной игре), руководствуются полководцы.

— Никаких нет и не может быть, а так, забавляются, вот, что ты можешь ли себе представить. А это — так, и только вследствие этого я (перестал служить) теперь служу с этими господами, с которыми мы стреляемся и деремся, а не с теми, которых ты сейчас видел в штабе и которые заняты только тем, чтобы притворяться делающими.

(Далее пропуск пятнадцати строк, которые были написаны на оборванной части рукописи, до слов: и сообразить все сочетания, которые могут быть, и сос(тав)ляет мастерство игрока»).

10. Много вариантов было написано Л. Н. Толстым, прежде чем «шахматное» изречение Наполеона приняло такую форму. Вот два первоначальных наброска:

«— Шахматы поставлены на свои места на шахматную доску. Игра начнется завтра,— сказал император и продолжал разговор о Париже» (т. 14, стр. 252).

«— А! Они тут,— проговорил Наполеон, оживленный пуншем и свежим воздухом,— *C'est bien!* Шашки на доске, завтра начнется игра. Что такое военное искусство? — спросил он Раппа.— Искусство быть сильнее неприятеля в данный момент» (там же, стр. 254).

11. В одном из первоначальных набросков Толстой пишет, что поле битвы было для Наполеона своеобразной шахматной доской: «Все, казалось, должно бы было быть ясно на шахматной доске Наполеона. Русские налево от флеш до Семеновского уступили числу и силе, надо было послать куда-нибудь побольше солдат на русских...» (т. 14, стр. 199).

12. С. А. Толстая часто упоминает о шахматах в своих «Дневниках», а современники не раз отмечали ее внимание к игре. В записях А. Б. Гольденвейзера от 14 июля 1910 г. есть такой эпизод: «Около восьми часов я поехал в Ясную. Приезжаю: Л. Н. и Михаил Сергеевич сидят за шахматами.

Софья Андреевна сидит тут же, смотрит и говорит:

— Как интересна шахматная игра, и как весело смотреть. Я со стороны всю игру отлично понимаю» (26, II, 120).

13. Я. П. Полонский сам признавался в своих воспоминаниях, что играл он очень слабо и что Тургенев, например, мог дать ему вперед ферзя (И. С. Тургенев у себя в последний приезд на родину, «Нива», 1884, № 5, стр. 116).

14. Предисловие к этой книге начиналось следующими словами С. С. Урусова: «Обзор кампаний 1812-го и 1813-го годов написан мною по поводу появления в печати известного творения графа Л. Н. Толстого «Война и мир». Суждения автора о причинах войны 1812 года и взгляд его на военные события внушили мне мысль искать исторические законы, преимущественно же законы войны, помощью математического анализа». В конце той же книги Урусов приводит аналогию в стратегических законах шахмат и войны. «Законы сражений, может быть, остаются прежние, но стратегия положительно изменяется, она уподобляется теперь так называемым окончаниям партий в шахматах. Когда в конце партии остаются на шашечнице короли, кони и пешки, есть возможность математически определить, за кем должна остаться победа. Точно такой же математический характер приобретает война при железных и водяных сообщениях» (стр. 169).

В библиотеке Л. Н. Толстого сохранилась эта книга с дарственной надписью С. С. Урусова: «гр. Льву Николаевичу Толстому от автора».

15. В конце концов Толстой пришел к «компромиссному» заключению: играть можно, но только не обращать внимания на результат (что, правда, ему практически, по складу характера, было трудно сделать). «Как я ни люблю шахматную игру,— говорил Лев Николаевич,— я должен признать, что в ней есть дурная сторона: выигрывая, мы горчаем своего партнера. Поэтому нужно дорожить не выигрываем, а интересными комбинациями» (47, 363).

16. По всей вероятности, Толстой еще не раз записывал отложенные позиции, но эти рукописи до нас не дошли. Так, в своем «Дневнике» 22 ноября 1889 года Толстой записал: «После обеда играл в шахматы, записал это и теперь 9 часов иду наверх». Что это была за партия, записанная Л. Н. Толстым, осталось неизвестным.

17. Толстой после некоторого раздумья уже во втором варианте вычеркнул этот отрывок. По-видимому, он, правильно полагая, что курение вредно действует на здоровье шахматиста, пришел, однако, к выводу, что оно не всегда непосредственно отражается на самой партии. Писателю известны были крупные шахматисты, которые курили во время игры. К ним, в частности, относился и его современник чемпион мира Э. Ласкер, и его друг С. Урусов.

Не исключено, что этому способствовал также и пример хорошо игравшего в шахматы старшего сына Сергея, который много курил во время партии и «не замечал», чтобы это влияло на качество игры. Он утверждал даже обратное: «Однако я часто ему (Л. Н. Толстому) проигрывал,— писал впоследствии Сергей Львович,— отчасти... потому, что, играя с ним, я не мог курить. Он не любил, когда при нем курили, а курящие знают, как сильно во время игры хочется курить» (47, 363).

18. См., например, статью в «Шахматах в СССР», 1958 г., № 3. «Что касается непосредственного вреда курения во время шахматной игры,— говорится в ней,— то, вопреки распространенному (благодаря усердию курящих шахматистов!) взгляду, курение не только не способствует мобилизации творческих сил, но, безусловно, наносит им серьезный ущерб».

19. Выставленные сейчас в Государственном музее Л. Н. Толстого шахматные фигуры и ящик, по воспоминаниям А. Б. Гольденвейзера, «не те, что тогда были. Может быть, эти шахматы кого-нибудь из сыновей. Доска шахматная та самая, что была. Шахматы у Л. Н. в Москве были английские, фигуры высокие. Такие же шахматы, только новые, позднее ему подарил Чертков» (ГМТ).

20. «Библиотека Льва Николаевича Толстого в Ясной Поляне», 1. Книги на русском языке, часть первая, М., 1958 г., стр. 112.

21. Приводим эту партию, так как она ярко характеризует стиль игры одного из частых партнеров Л. Н. Толстого за шахматной доской: Н. Бугаев — В. Стейниц, Москва, 7 февраля 1896 г.: 1. b4 e5 2. Cb2 f6 3. b5 d5 4. e3 Cd6 5. c4 c6 6. a4 Ke7 7. Kc3 0—0 8. Фb3 Cc7 9. cd cd 10. e4 Cc6 11. ed K : d5 12. K : d5 Cd5 13. Cc4 C : c4 14. Ф : c4+ Kph8 15. Ke2 Kd7 16. 0—0 Kb6 17. Фc2 Лac8 18. Cc3 Kd5 19. Lfd1 Cb6 20. Фb2 Фd7 21. a5 Cc7 22. Kg3 Kf4 23. d4 Фd5 24. f3 Lfd8 25. Лd2 Фc4 26. de Kd3 27. Фа3 C : e5 28. C : e5 fe 29. Ke4 Лd7 30. Лад1 Лcd8 31. Kf2 Kc5 32. Л : d7 Л : d7 33. Лc1 Ф : b5 34. Ф : c5 Ф : c5 35. Л : c5 h6 36. Л : e5 Лc7 37. g4 Kpg8 38. Kpg2 Kpf7 39. Ke4 Лc6 40. Kpg3 b6 41. h4, черные сдались.

22. С. Л. Толстой принимал участие в пятом турнире по переписке (январь — декабрь 1900 г.), организованном газетой «Новое вре-

мя», где Чигорин вел шахматный отдел. Вот одна из его партий, игранная в этом турнире с сильнейшим прибалтийским мастером К. Бетингом. Хотя С. Л. Толстой и проиграл ее, но он продемонстрировал в ней хорошее знание теории и остроумную игру в миттельшпиле: С. Л. Толстой — К. Бетинг (Рига), январь — сентябрь 1900, Испанская партия: 1. e4 e5 2. Kf3 Kc6 3. Cb5 a6 4. Ca4 Kf6 5. Kc3 Ce7 6. 0—0 b5 7. Cb3 d6 8. h3 Ka5 9. d3 K : b3 10. ab c6 11. b4 0—0 12. Ce3 Cb7 13. Ke2 Фc7 14. Kg3 c5! 15. bc d5 16. ed K : d5 17. Kf5 K : e3 18. K : e7+ Ф : e7 19. fe e4 20. Kd4 Ф : c5 21. Kf5 g6 22. Фg4 Kph8 23. Фh4! Фb6! 24. Kd4 f5 25. Фh6 Лf6 26. Kb3? (Лf2!) ed 27. cd g5 28. Фh5 Ф : e3+ 29. Лf2 g4! 30. hg Лh6 31. Ф : f5 C : g2 32. g5 Лg8 33. Kp : g2 Л : g5+ 34. Ф : g5 Фh3+ 35. Kpg1 Фh1× («Baltische Schachblätter», Riga, 1902, Heft 9, S. 68—69).

23. То было время особенно тяжелых и мучительных переживаний Л. Н. Толстого. «Нет побуждения жить. Сделать хочется слишком много такого, что не укладывается в этой жизни. Да и форма жизни не та, тяготит меня, а разорвать не могу», — писал в своем «Дневнике» Л. Н. Толстой. С такими мыслями покинул он Москву и 18 марта, когда отправился к Урусову пешком, и 2 мая, когда опять-таки пешком направился к себе в Ясную. Но в первом случае ему не удалось пройти 60 верст до Троицы (ныне Загорск), так как помешала весенняя распутица. Пришлось поехать поездом до Хотьково, а оттуда 22 марта поздно вечером на санях он приехал к Урусову (см. подробнее об этой поездке и пребывании в Спасском в книге Н. С. Родионова «Л. Н. Толстой в Москве», 2-е изд., М., 1958, стр. 141—143).

24. Сейчас Спасское объединено с селением Торбеево. Спасс-Торбеево и Куроедово вместе с еще шестью деревнями входят в колхоз им. Жданова. В бывшей усадьбе Урусова некоторое время помещалась начальная школа, а последние три года — детский дом из московских заводов. О последних годах жизни С. С. Урусова в Спасском много интересного рассказал мне 77-летний житель Куроедово И. Г. Кольцов.

25. Вот эта партия, которая была напечатана в «Московских ведомостях» 15 апреля 1889 г. и предложена вниманию Л. Н. Толстого. Гамбит Эванса. Чигорин — Стейниц, Гавана, 1889 г., 13-я партия матча. 1. e4 e5 2. Kf3 Kc6 3. Cc4 Cc5 4. b4 C : b4 5. c3 Ca6 6. 0—0 Фf6 7. d4 Ke7 8. d5 Kd8 9. Cg5 Фd6 10. Фа4 f6 11. Cc1 Cb6 12. Ka3 c6 13. Cb3 Cc5 14. Лfd1 b5 15. Фа5 Kdb7 16. Фа6 Kbd8 17. Фа5 Kdb7 18. Фа6 Kbd8 19. Фа5 Kdb7 20. Фа6 Фc7 21. dc dc 22. K : b5 cb 23. Ф : b5+ Cd7 24. Cf7+ Kpd8 25. Лab1 Kbd6 26. Фb3 Фb6 27. Фc2 Фc6 28. Cb3 a5 29. Ce3 C : e3 30. fe a4 31. Cd5 K : d5 32. Л : d5 Лhe8 33. Лbd1 Ле6 34. c4 Ла7 35. c5 Kdc8 36. Kfd2 Kpe8 37. Kdc4 Ле7 38. Фе2 a3 39. Фh5+ g6 40. Фh4 Ла4 41. Лd6 K : d6 42. K : d6+ Kpd8 43. Ф : f6 Ла5 44. Фf8+ Ле8 45. K : e8 Ф : c5 46. Ф : c5 Л : c5 47. Kf6 Лc7 48. Kpf1 Kpc8 49. Л : d7 Лc : d7 50. K : d7 Kp : d7 51. Kpe2 Kpc6 52. Kpd3 Kpb5 53. Kpc3 g5 54. Kpb3 h5 55. Kp : a3 Kpc4 56. Kpb2 Kpd3 57. a4 Kpe2 58. a5, и вскоре черные сдались.

26. Так, например, в записи А. Б. Гольденвейзера от 3 августа 1905 года говорится, что во время беседы с Толстым о разных математиках «Лев Николаевич вспомнил старика князя Сергея Семеновича Урусова, севастопольского героя, который был математик и прекрасный шахматист» («Вблизи Толстого», М., 1959 г., стр. 174).

27. В частности, не исключена возможность, что образ князя Касатского в «Отце Сергии» был в какой-то степени навеян С. С. Урусовым. Такой вывод невольно напрашивается при детальном знакомстве

с жизнью С. С. Урусова, его религиозно-нравственным кризисом. Жизнь Касатского уже с юных лет напоминает Урусова: обучение в гвардейском корпусе, близость ко двору царя, блестящая карьера, стремление везде быть первым: в науках, военной службе и даже в шахматах. «...Так он,— пишет Толстой, характеризуя Касатского,— занявшись шахматами, добился того, что, еще будучи в корпусе, стал отлично играть». А ведь это и характерный штрих из биографии Урусова!

Урусов, правда, не постригся в монахи, но такое желание у него было и о нем хорошо знал Толстой. 22 мая 1886 года Урусов, например, писал Софье Андреевне с Кавказа, куда он ездил с племянницами: «Зная меня, Вы не удивитесь, что я чаще всего замышляю один и тот же давнишний план — проехать на Афон и сделаться монахом, т. е. умереть для мира» (ГМТ).

Поездка Толстого к С. С. Урусову в 1889 году послужила, по-видимому, толчком к созданию «Отца Сергия». И это не удивительно: перед ним, как никогда ранее, раскрылась в интимных беседах душа этого человека, некогда блестящего гвардейского офицера, а ныне отшельника, беспрестанно читавшего псалмы и даже певшего на клиресе в своей церквушке. О том, что С. Урусов послужил ему одним из прототипов для создания «Отца Сергия», Толстой прямо указывал в «Дневнике» 31 октября 1890 года: «Стал писать Сергия сначала. Кое-что поправил, но, главное, уяснил себе. Надо рассказать все, что было у него в душе: зачем и как он пошел в монахи. Большое самолюбие (Кузминский и Ур(усов), честолюбие и потребность безукоризненности» (т. 51, стр. 98).

Кстати, в томе 31 Полного собрания сочинений Л. Н. Толстого на основании этой цитаты, на наш взгляд, ошибочно указывается, что под «Ур(усовым)» писатель имел в виду своего приятеля тульского вице-губернатора Л. Д. Урусова. В обширном комментарии к «Отцу Сергию» (М., 1954 г., т. 31, стр. 257—270) почему-то не разу не упоминается имени С. Урусова. А между тем еще современники Л. Н. Толстого обратили внимание на сходство некоторых черт характера С. Урусова и отца Сергия. Так, в «Очерках былого» (М., 1949, стр. 341—342) С. Л. Толстой писал: «Лев Толстой, создавая свои художественные образы, обыкновенно вспоминал людей, которых знал; и он воображал, как они поступили бы при известных обстоятельствах. Когда он писал «Отца Сергия», возможно, он воображал себе С. С. Урусова». И далее, приведя описание юных лет кн. Касатского, он отмечал: «Эта характеристика вполне подходит к Урусову... Конечно, кн. Касатский — не простой сколок с кн. Урусова, но в нем много черт, напоминающих его».

28. В первом варианте «Письма» Л. Н. Толстого характеристика С. С. Урусова была дана в следующей редакции: «Я помню, в Севастополе я пришел к приятелям адъютанта Сакена, начальника гарнизона, и в то время пришел князь С. С. Урусов, офицер, известный своей храбростью, и один из лучших шахматных игроков того времени и вместе с тем очень наивный человек» (т. 72, стр. 10—11).

29. «Шахматное обозрение», 1904 г., № 72—76 (июнь — октябрь), стр. 237. Высказывание взято из рижской газеты «Düna-Zeitung», № 195.

30. Этот столик, так же как и шахматы, сохранились до сих пор. Во время описи имущества толстовской усадьбы «Ясная Поляна» (в 1918 г.) С. А. Толстая писала: «Столик шахматный, подарок П. А. Сергеевко».

31. Вот несколько подобных сцен:

«(17 декабря 1908 г.) ...Когда после обеда Л. Н. и Чертков сели играть в шахматы, а я придвинула свой стул ближе к ним, чтобы лучше насмотреться на Л. Н... И. Е. (Репин) уже зарисовывал Л. Н. в альбомчик» (18, 137).

«(13 марта 1910 г.) Когда Лев Николаевич сел с М. С. Сухотиным за шахматы, Мешков и Татьяна Львовна расположились рисовать их. „Татьяна Татьяновна“ выпросила у меня карандаш и тоже уселась за стол „рисовать дедушку“» (58, 140—141).

«(10 июня 1910 г.) В шахматы Л. Н. выиграл одну партию, другая была ничья. За шахматами Ге и Трубецкой рисовали Л. Н. Потом Ге подсел ближе к нам» (26, II, 51).

Между прочим, однажды (это было 24 сентября 1907 г.) И. Е. Репин даже решился сыграть с Л. Н. Толстым. Но он играл плохо, что быстро расхолодило Льва Николаевича. Толстой стал играть небрежно и... «прозевал» мат. Вот как описывает этот эпизод Н. Т. Северова: Толстой «предложил И. Е. партию в шахматы. Я села около него близко, близко и смотрела на его руки, движения, удивительные нависшие брови и слышала его веселый смех, когда он расставлял шахматы и расспрашивал И. Е.—умеет ли он играть. И. Е. конфузился и уверял, что играет из рук вон плохо.—Ну вот увидим, правдивы ли вы,— сказал он. И партия началась, нас окружили со всех сторон, шутили, давали советы. Он улыбался и приговаривал что-то.

И. Е. оказался правдив. Его ходы вызывали смех. Они никуда не годились. С таким игроком не стоило напрягать внимание, ни обдумывать ходов. Не стоило... Он равнодушно передвинул фигуру и вдруг вскрикнул так громко, что мы все вздрогнули.

— Мат королю,— сказал Репин.

Лев Толстой проиграл партию» (18, 83).

32. В воспоминаниях и дневниках современников Толстого можно встретить нередко упоминания об игре Льва Николаевича в последние годы с Хирьяковым, Сухотиным, Ернефельтом, приводятся результаты этих встреч. Вот два примера:

«(21 марта 1910 г.). После обеда Лев Николаевич играл с Ернефельтом-отцом в шахматы. Оба обыграли друг друга по разу. По окончании игры завязался между ними разговор, тут же за шахматным столиком» (58, 147).

«(14 августа 1910 г.) Л. Н. стал играть с Хирьяковым. Хирьяков выиграл фигуру (он хорошо играет), и партия Л. Н. была безнадежна, но Хирьяков сделал ошибку, благодаря которой Л. Н. удалось вернуть фигуру и получить хорошую игру. Л. Н. выиграл партию...» (26, II, 259).

Частым партнером Льва Николаевича был М. С. Сухотин. Его имя то и дело мелькает в дневниках и записях А. Б. Гольденвейзера, Д. П. Маковицкого, С. А. Толстой. Сохранились две фотографии, на которых Л. Н. Толстой играет в шахматы в кругу семьи с М. С. Сухотиным. «Историю» появления этих фото поведал читателям А. Б. Гольденвейзер. Вот что он записал 5 августа 1908 года:

«Льву Николаевичу по жребию вышло играть в шахматы не со мной, а с Михаилом Сергеевичем Сухотиным. Мне было обидно, так как и за шахматами снимали, а я так часто играю со Львом Николаевичем, что хотелось бы иметь такой снимок на память» (26, I, 234).

33. «Шахматные традиции» восходят в семье Гольденвейзера еще к первой половине прошлого столетия. Его прадедом по отцу был русский шахматист и автор знаменитой поэмы о шахматах «Гакраб»

(«Битва») Я. М. Эйхенбаум. Отец А. Б. Гольденвейзера был хорошо знаком с М. И. Чигоринным. Не удивительно поэтому, что уже шести лет научился Александр Борисович играть в шахматы и на всю жизнь сохранил к ним любовь. Вскоре после смерти Л. Н. Толстого А. Б. Гольденвейзер часто встречался за шахматной доской с мастером Бернштейном, благодаря чему быстро достиг силы первого разряда, успешно играл в двух турнирах и в сеансах против сильнейших шахматистов мира. У него сохранилась до сегодняшнего дня большая библиотека шахматных книг и журналов. Об игре А. Б. Гольденвейзера в годы, когда он встречался с Л. Н. Толстым, можно судить, например, по следующей его партии, выигранной в сеансе одновременной игры у М. И. Чигорина в 1900 году: Дебют слона, М. Чигорин — А. Гольденвейзер. 1. e4 e5 2. Cc4 Kc6 3. f4 Cc5 4. Kf3 d6 5. Kc3 Cg4 6. h3 C : f3 7. Ф : f3 Kd4 8. Фg3 K : c2+ 9. Kpd1 K : a1 10. Ф : g7 Фf6 11. C : f7+ Ф : f7 12. Ф : h8 Cd4 13. Kb5 0—0—0 14. K : d4 Kf6 15. Ф : d8 . Kp : d8 16. fe K : e4 17. e6 Фh5+ 18. g4 Фе5 19. Kf5 Kf2× («Шахматы в СССР» 1956, № 4, стр. 119).

34. Эти номера шахматного журнала до сих пор сохранились в яснополянской библиотеке. Но страницы их не разрезаны. По-видимому, секретари Толстого, сортируя почту, которая в последние годы была необычайно велика, не дали этот журнал на просмотр Льву Николаевичу.

35. В воспоминаниях П. А. Сергеевко есть также интересный штрих о манере игры Л. Н. Толстого: «...брал фигуры с доски не щепоткой, а двумя пальцами — указательным и средним, ладонью вверх. Словно ножницами» (34, 2).

36. Это не мешало Толстому очень самокритично относиться к некоторым своим партиям, особенно когда он бывал рассеян и мог допустить промахи от неровности игры. Маковицкий, например, записал, как однажды после обеда (20 февраля 1905 г.) Лев Николаевич обратился к Гольденвейзеру.

«— Сыграем в шахматы? Вы, как японцы, обдуманно, шаг за шагом, а я — спустя рукава» (27, II, 54).

37. Дата этой партии проставлена по неопубликованным записям Д. П. Маковицкого, который отметил 13 октября 1906 года: «После обеда Л. Н. разговаривал с Моодом, потом играл с ним в шахматы» (ГМТ, стр. 1950).

38. Начало этой партии уже несколько раз публиковалось в шахматной печати (Напр. «Шахматы в СССР», 1957, № 7). Однако при этом ошибочно указывалось, что партнером Л. Н. Толстого был доктор Д. П. Маковицкий. На фотографии, хранящейся в ГМТ и зафиксировавшей приводимую шахматную позицию, совершенно ясно различим партнер Толстого. Им был М. С. Сухотин.

39. Рукопись Л. Н. Толстого с рисунком этой позиции впервые воспроизведена в т. 53, стр. 253; однако клише получилось крайне неудачным и разобраться в том, какие фигуры изображены на рисунке, едва ли возможно. Настоящая диаграмма восстановлена мною после тщательного изучения рукописи записной книжки Толстого и изготовления новых фотокопий, одна из которых приведена в книге.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

Аксаков Сергей Тимофеевич (1791—1859), русский писатель — 21.
Андерсен Адольф (1818—1879), выдающийся немецкий шахматный мастер, стиль игры — острокомбинационный — 24.

Альгайер Иоганн (1763—1823), австрийский шахматист, автор известного учебника «Новое теоретическое и практическое руководство по шахматной игре» (Вена, 1795). Один из шахматных дебютов носит его имя (гамбит Альгайера) — 21, 34, 67.

Ахшарумов Николай Дмитриевич (1819—1893), известный петербургский писатель и шахматист — 22.

Барятинский Виктор Иванович, участник обороны Севастополя в 1854—1855 гг. — 17, 80.

Берс Александр Андреевич (1845—1918), старший брат С. А. Толстой, — 26, 31, 32, 44, 46.

Берс Андрей Евстафьевич (1808—1868), врач Московской дворцовой конторы, отец С. А. Толстой — 31.

Берс Елизавета Андреевна (1843—1919), сестра С. А. Толстой — 31.

Берс Степан Андреевич (1855—1910), брат С. А. Толстой, автор «Воспоминаний о гр. Л. Н. Толстом» (Смоленск, 1894) — 31.

Бин — московский шахматист середины XIX века — 17.

Борисов Иван Петрович (1834—1871) — орловский помещик, был в приятельских отношениях и нередко играл в шахматы с Л. Н. Толстым, И. С. Тургеневым, С. С. Урусовым, А. А. Фетом — 32.

Бугаев Николай Васильевич (1837—1903), известный русский математик, профессор Московского университета; сильный московский шахматист — 44, 46, 47, 82.

Буланже Павел Александрович (1865—1925), знакомый Л. Толстого с 1886 г. — 44, 47.

Бутнев Павел Константинович, знакомый семье Толстых — 60.

Вольтер Франсуа Мари (1694—1778), выдающийся французский писатель и деятель буржуазного просвещения XVIII в. — 16.

Гаррвиц Даниэль (1823—1884 г.), немецкий шахматный мастер — 24.

Ге Николай Николаевич (1847—1940), старший сын известного русского художника Н. Н. Ге; как и отец, он был близким другом семьи Толстых — 53, 63, 85.

Гинцбург Илья Яковлевич (1859—1939), скульптор, знакомый Л. Н. Толстого с 1891 г. — 72.

Гиришфельд Филипп (1840—1896), немецкий шахматист, в 1866 г. посетил Москву, где играл с русскими мастерами — 34.

Голицын Сергей Владимирович, приятель С. С. Урусова, московский шахматист середины XIX в. — 36.

Гольденвейзер Александр Борисович (р. 1875), пианист, профессор Московской консерватории, народный артист СССР; в 1896—1910 г. г. был в дружеских отношениях с Л. Н. Толстым, его постоянным шахматным партнером. Автор книги «Вблизи Толстого» — 3, 6, 8, 46, 50, 52, 56, 57, 59, 60, 64, 67, 70, 72, 82, 83, 86.

Гольденвейзер Борис Соломонович, юрист, публицист, отец А. Б. Гольденвейзера — 64, 86.

Горький Алексей Максимович (1868—1936) — 6, 80.

Григорovich Дмитрий Васильевич (1822—1899), писатель — 21.

Гусев Николай Николаевич (р. 1882) — 70, 80.

Дружинин Александр Васильевич (1824—1864), либеральный критик и писатель — 22.

Ергольская Татьяна Александровна (1792—1874), троюродная тетка Толстого, воспитывавшая Льва Николаевича, его братьев и сестру после смерти матери — 13.

Ернефельт Арвид (1861—1933), финский писатель — 64, 85.

Киреевский Иван Васильевич (1806—1856), русский общественный деятель — славянофил и писатель. В середине прошлого столетия он был одним из сильнейших шахматистов Москвы — 18.

Коган Михаил Саулович (1898—1942), советский шахматный историк — 7, 80.

Колиш Игнатий (1837—1889), сильнейший венгерский шахматист, добивавшийся крупных успехов в международных состязаниях — 34.

Кордель Оскар (ум. 1913), немецкий аналитик и шахматный писатель — 66.

Краевский Андрей Александрович (1810—1889), либеральный журналист и публицист — 22.

Кузминская (рожд. Берс) Татьяна Андреевна (1846—1925), младшая сестра С. А. Толстой, с детских лет и до конца жизни ее связывала с Л. Н. Толстым большая дружба — 31.

Лаза Тассило Гейдебранд (1818—1899), замечательный немецкий шахматный мастер, теоретик, историк — 20.

Ласкер Эммануил (1868—1941), выдающийся немецкий шахматист, чемпион мира по шахматам в 1894—1921 гг. — 40, 41, 46, 82.

Левенталь Иоганн-Якоб (1810—1876), известный английский мастер и шахматный журналист — 24, 25, 80.

Легаль Кермюн (1702—1792), французский шахматист, учитель Филидора — 10.

Ленин Владимир Ильич (1870—1924) — 6, 39, 80.

Маклаков Василий Алексеевич (р. 1870), адвокат, знакомый Толстых — 60.

Маковицкий Душан Петрович (1866—1921), словак, жил у Толстых в 1904—1910 гг. в качестве домашнего врача — 8, 56, 73, 85, 86.

Мачусский Владислав, польский шахматист середины прошлого века, живший в Париже — 24, 80.

Менделеев Дмитрий Иванович (1834—1907) — 5.

Мешков Василий Никитич (1867—1946), живописец и график — 63, 85.

Минквиц Ганс (1843—1901), немецкий шахматист, многолетний редактор «Дейтше шахцейтунг» и автор популярного учебника по шахматам — 66.

Молоствовы Зинаида Модестовна (1829—1897) и **Елизавета Модестовна** (1831—1852), близкие знакомые Толстых в Казани — 11, 12.

Монгреден Август (1807—1888), английский шахматист, прези-

дент Лондонского шахматного клуба — 24.

Моод Эльмер (1858—1938), переводчик сочинений Л. Н. Толстого на английский язык и автор его двухтомной биографии, вышедшей в Лондоне в 1908—1911 гг. — 7, 41, 44, 64, 65, 66, 74—76.

Морфи Пол (1837—1884), выдающийся американский шахматист — 24, 25, 55.

Некрасов Николай Алексеевич (1821—1878), выдающийся русский поэт — 21, 22.

Новиков Алексей Митрофанович (1865—1925), по окончании Московского университета учитель младших детей Толстых в 1889—1891 гг.; после Октябрьской революции — профессор Среднеазиатского университета — 40, 53.

Новиков Александр Андреевич, советский шахматный историк — 7.

Остен-Сакен Дмитрий Ерофеевич (1789—1881), генерал-адъютант, в 1854—1855 гг. начальник Севастопольского гарнизона — 57, 84.

Островский Александр Николаевич (1823—1886), великий русский драматург — 21.

Панаев Иван Иванович (1812—1862), русский писатель и журналист — 21, 22.

Паскаль Блез (1623—1662), выдающийся французский математик и физик; философ — 61.

Петров Александр Дмитриевич (1794—1867), первый русский шахматный мастер и теоретик шахматной игры, автор руководства «Шахматная игра, приведенная в систематический порядок...», (Петербург, 1824) — 5, 9, 16, 17, 20, 21, 24, 34, 55.

Полонский Яков Петрович (1819—1898), поэт — 22, 32, 81.

Пушкин Александр Сергеевич (1799—1837) — 5.

Репин Илья Ефимович (1844—1930) — 6, 48, 49, 63, 85.

Рей М., учитель, преподававший детям Толстых, — 32, 35, 36.

Русанов Андрей Гаврилович (р. 1874), так же как и его отец Г. А. Русанов (1846—1907), находился в дружеских отношениях с семьей Толстых; ныне профессор Воронежского университета — 47.

Руссо Жан Жак (1712—1778), выдающийся французский просветитель XVIII века — 9, 10, 80.

Самарин Петр Федорович (1830—1901), помещик, старый знакомый Л. Н. Толстого — 54.

Сергеенко Алексей Петрович (р. 1886), в годы знакомства с Толстым был секретарем В. Г. Черткова — 69.

Сергеенко Петр Алексеевич (1854—1930), литератор, автор нескольких книг и статей о Толстом — 58, 64, 70, 86.

Стаунтон Говард (1810—1874), сильнейший английский шахматист середины XIX в. — 20.

Стейниц Вильгельм (1836—1900), выдающийся шахматный мастер и шахматный теоретик, первый чемпион мира по шахматам (1886—1894) — 40, 41, 46, 55, 83.

Страхов Федор Алексеевич (1861—1923), единомышленник Толстого, автор нескольких сочинений на философские темы — 58.

Сухотин Михаил Сергеевич (1850—1914), муж Т. Л. Толстой — 46, 47, 53, 63, 67, 72, 73, 76, 78, 81, 85, 86.

Сухотина Татьяна Львовна (1864—1950), старшая дочь Толстого — 33, 48, 63, 71, 85.

Танеев Сергей Иванович (1856—1915), композитор и пианист, близкий знакомый Толстых — 6, 50, 52, 63, 81.

- Толстая** Александра Андреевна (1817—1904), двоюродная тетка Толстого, с которой его связывали дружеские отношения, — 58.
- Толстая** Александра Львовна (р. 1884), дочь Л. Н. Толстого — 64.
- Толстая** Мария Николаевна (1830—1912), сестра Л. Н. Толстого — 21, 23.
- Толстая** Мария Львовна (1871—1906), дочь Толстого — 32, 34, 65.
- Толстая** Софья Андреевна (урожд. Берс) (1844—1919), жена Л. Н. Толстого — 14, 26, 31, 32, 33, 36, 44, 45, 53, 55, 56, 60, 67, 81, 85.
- Толстой** Илья Львович (1866—1933), сын Толстого — 32, 60.
- Толстой** Лев Львович (р. 1869), сын Л. Н. Толстого — 32, 34, 46.
- Толстой** Лев Николаевич (1828—1910) — 1—95.
- Толстой** Николай Николаевич (1823—1860), старший брат Л. Н. Толстого — 12, 13, 14, 23.
- Толстой** Сергей Львович (1863—1947), старший сын Л. Н. Толстого — 7, 16, 32, 33, 35, 36, 41, 53, 63, 73, 79, 82, 83, 84.
- Трубецкой** Павел Петрович (1867—1938), русский скульптор — 63, 85.
- Тургенев** Иван Сергеевич (1818—1883) — 5, 6, 18, 21—24, 33, 52, 80, 81.
- Урусов** Дмитрий Семенович (1830—1903), младший брат С. С. Урусова, один из сильнейших шахматистов Петербурга в 50-ые годы XIX века, с 70-х годов жил преимущественно в Ярославле — 17, 20, 23.
- Урусов** Сергей Семенович (1827—1897), выдающийся шахматный мастер; математик, историк, участник обороны Севастополя; близкий друг Л. Н. Толстого — 3, 6, 8, 16—20, 22, 24, 33—38, 44, 46, 53—58, 82—85.
- Усов** Павел Сергеевич (1867—1917), известный врач-терапевт, лечивший Л. Н. Толстого, — 53.
- Усов** Сергей Алексеевич (1826—1886), зоолог, профессор Московского университета — 44, 46.
- Фет** Афанасий Афанасьевич (1821—1891), поэт, близкий знакомый Толстых — 23, 32, 33.
- Филидор** Андре Даникан (1726—1795), сильнейший французский шахматист второй половины XVIII века, по профессии музыкант, автор нескольких комических опер — 10.
- Хирьяков** Александр Модестович (1863—1946), журналист, близкий знакомый Толстого — 64, 85.
- Чернышевский** Николай Гаврилович (1828—1889) — 5, 9, 21.
- Чертков** Владимир Владимирович (р. 1889), сын В. Г. Черткова — 64, 65, 69.
- Чертков** Владимир Григорьевич (1854—1936), один из ближайших друзей Л. Н. Толстого и издатель его сочинений — 48, 64, 65, 78, 85.
- Чигорин** Михаил Иванович (1850—1908), великий русский шахматист, основоположник отечественной шахматной школы — 5, 40, 55, 64, 83, 86.
- Шумов** Илья Степанович (1819—1881), известный русский шахматный мастер, шахматный композитор и журналист — 5, 17, 22, 34.
- Эйхенбаум** Яков Моисеевич (1796—1861), одесский шахматист, приобретший широкую известность благодаря поэтическому описанию шахматной партии в поэме «Гакраб» (1840) — 86.
- Яниш** Карл Андреевич (1813—1872), выдающийся шахматный теоретик, один из активных организаторов Петербургского шахматного клуба в 1853 г. — 16, 17, 21, 22, 25, 80.
-

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Толстой Л. Н., Полное собрание сочинений в 90 томах. Юбилейное (1828—1928). Государственное издательство художественной литературы. Москва, 1928—1958.
2. Ленин В. И. Статьи о Толстом, М., 1955 г.

Архивные материалы и документы

Государственный музей Л. Н. Толстого в Москве (ГМТ) и музей-усадьба «Ясная Поляна»

3. Толстая С. А. Моя жизнь (машинописный текст). Архив музея-усадьбы «Ясная Поляна».

4. Маковицкий Д. П., Яснополянские записки, рукопись (около 6 тысяч страниц машинописного текста), 1905—1910.

5. Урусов С. С., Письма к Льву Николаевичу Толстому, 1856—1890 (59 писем на 148 листах).

6. Урусов С. С., Письма к Софье Андреевне Толстой, 1883—1897 (58 писем).

7. Гольденвейзер А. Б., Описание шахмат Л. Н. Толстого в Хамовническом доме.

8. Описание шахмат Л. Н. Толстого в Ясной Поляне.

9. Библиотека Л. Н. Толстого в Ясной Поляне,

Филиал Государственного центрального музея музыкальной культуры им. М. И. Глинки в Москве (Филиал ГЦММК)

10. Архив и библиотека А. Б. Гольденвейзера.

Книги, журналы и статьи, в которых имеются материалы о Л. Н. Толстом, как шахматисте.

11. Урусов С. С., Письмо к И. В. Киреевскому, «Русский архив», 1903, № 11, стр. 480.

12. А. К., Из воспоминаний о Л. Н. Толстом. 1. Вечер в Ясной Поляне, газета «Курьер», М., 28 августа 1903, № 81, стр. 3.

13. Tolstoi als Schachspieler, «Rieger Tageblatt» (Beilage) 22 April (5 Maj) 1907, s. 64; «Deutsche Schachzeitung», Leipzig, 1907, № 2, 5 Maj s. 157—158 (aus «Rieger Tageblatt»).

14. Сергеевко П., Как живет и работает гр. Л. Н. Толстой, М., 1908.

15. Aylmer Maude, The life of Tolstoy. First fifty years, London, 1908.

16. Сергеевко П. У полюса (из поездки в Ясную Поляну), «Русское слово», М., 1 октября 1909, стр. 2.
17. Н. Из жизни Л. Н. Толстого в Крекшине (от нашего корреспондента), «Русские ведомости», М., 13 сентября 1909, № 210, стр. 4.
18. Северова Н. Б., Интимные страницы (письма из Ясной Поляны) СПб, 1910.
19. Гинцбург И. Радость жизни (в «Сборнике воспоминаний о Л. Н. Толстом»), М., 1911, стр. 120).
20. Aulmer Maudie, The life of Tolstoy, later years, Third edition, London, 1911.
21. Бирюков П., Лев Николаевич Толстой, биография, т. т. I—II, М., 1911—1913.
22. Накашидзе И. Три письма Л. Н. Толстого, «Русская мысль», 1913, № 3, стр. 134—142.
23. Cordel O., Theorie und Praxis des Schachspiels, II Band Potsdam, 1913, s. 80.
24. Градовский Г. К., Поездка в Ясную Поляну (в книге «Публицист-гражданин. Литературный сборник, посвященный памяти Г. К. Градовского», Ггр, 1916, стр. 142—183).
25. Полонский Я. П., Из дневников («Голос минувшего», М., 1919, № 1—4, стр. 101—121).
26. Гольденвейзер А. Б., Вблизи Толстого (записи за пятнадцать лет). 1896—1910, т. I, М., 1922; второе дополненное издание, М., 1959; т. II, М., 1923.
27. Макавицкий Д. П., Яснополянские записки (1904—1910). Выпуск первый, М., 1922; выпуск второй, М., 1923.
28. Сухотина-Толстая Т. Л., Друзья и гости Ясной Поляны, М., 1923.
29. Танеев С. И., Из дневников 1895 и 1896 гг. (в книгах: «Сергей Иванович Танеев. Личность, творчество и документы его жизни», М—Л., 1925, стр. 49—68; «История русской музыки в исследованиях и материалах», т. I, М., 1924, стр. 182—204).
30. Гольденвейзер А. Б., Толстой и шахматы, журнал «64», 1926, № 21, стр. 1—2.
31. Черткова А. К. Из воспоминаний о Л. Н. Толстом (в книге «Толстой и о Толстом», сб. второй, М., 1925, стр. 104).
32. Минквиц А., Азбука шахматиста, Л., 1926 (перев. с 4-го немецкого издания), стр. 90.
33. Толстая Софья Андреевна, Дневники (в четырех томах) т. I, 1860—1891, М., 1928; т. II, 1891—1897, М., 1929; т. III, 1897—1909, М., 1932; т. IV. 1910, М., 1936.
34. Сергеевко П., Последнее свидание, «Красная газета», Л., 6 сентября 1928, № 246 (веч. выпуск), стр. 2.
35. Сергеевко Ал., Толстой в жизни (из записной тетради) «Известия», 9 сентября 1928 г., стр. 3.
36. Гусев Н. Н., Два года с Л. Н. Толстым, М., 1928.
37. Коган М. С., Л. Н. Толстой-шахматист, «Шахматный листок», Л., 1928, № 18, стр. 302—303.
38. Новиков А., Толстой и шахматы, «64», 1928, № 17, стр. 7—8.
39. Толстой Л. Н., «Словарь шахматиста» (под редакцией А. А. Смирнова), Л., 1929, стр. 437—438.
40. Коган М. С., Л. Н. Толстой (в книге «Шахматы в жизни русских писателей», М.—Л., 1933, стр. 36—61).

41. К о г а н М. С., Л. Н. Толстой и шахматы, газета «64», 20 ноября 1935 г., № 28, стр. 3.
 42. Г о л с т а я С. А., Письма к Л. Н. Толстому (1896—1910), М—Л., 1936.
 43. Г о л ь д е н в е й з е р А. Б., Моя «шахматная биография», газета «64», 10 января 1936.
 44. Р у с а н о в А. Г., Воспоминания о Льве Николаевиче Толстом (1885—1901), Воронеж, 1937, стр. 23—24, 124.
 45. К о г а н М. С., Шахматы в жизни русских писателей (в книге «Очерки по истории шахмат в СССР», М.—Л., 1938, стр. 306—330).
 46. Т о л с т о й С. Л., Шахматы в нашей семье, газета «64», 19 февраля 1940, № 58(382), стр. 3.
 47. Т о л с т о й С. Л., Лев Толстой — шахматист (к тридцатилетию со дня смерти Л. Н. Толстого), «Шахматы в СССР», 1940, № 11—12, стр. 361—364.
 48. Ч е р т к о в В. В., Мои шахматные встречи с Л. Н. Толстым, Газета «64», 1940, 11 февраля, № 8, стр. 4.
 49. Н о в и к о в А., Русские классики и шахматы, «Шахматы в СССР», 1941, № 6, стр. 192—193.
 50. Н а р к е в и ч А., Из истории шахмат в России, «Шахматы в СССР», 1945, № 4—5, стр. 142—145.
 51. Н а р к е в и ч А., Толстой о шахматах и шахматистах (малоизвестный эпизод шахматной биографии Л. Н. Толстого), «Бюллетень шахматного чемпионата Москвы 1946 года».
 52. Г о л ь д е н в е й з е р А. Б., Наши пожелания, «Шахматы в СССР», 1947, № 11, стр. 255.
 53. Т о л с т о й С. Л., Очерки былого, М., 1949.
 54. И. Е. Репин и Л. Н. Толстой (переписка), т. I—II, М., 1949.
 55. Г у с е в Н. Н., Лев Николаевич Толстой, Материалы к биографии, с 1828 по 1855 г., М., 1954.
 56. Г у с е в Н. Н., Лев Николаевич Толстой, Материалы к биографии с 1856 по 1869 г., М., 1957.
 57. Л. Н. Толстой в воспоминаниях современников, т. I—II, М., 1955.
 58. Б у л г а к о в В., Л. Н. Толстой в последний год его жизни, М., 1957.
 59. К у з м и н с к а я Т. А., Моя жизнь дома и в Ясной Поляне (Воспоминания), изд. третье, Тула, 1959.
 60. Г у с е в Н. Н., Летопись жизни и творчества Льва Николаевича Толстого, т. I (1828—1890), М., 1958.
 61. П о п о в к и н А. И., Л. Н. Толстой, Биография, М., 1958.
 62. М и х а й л о в Н., Две партии Льва Толстого, Бюллетень «Межзональный турнир и XIII Олимпиада», 10 октября 1958, № 9.
-

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	3
Введение	5
<i>Глава I</i>	
Предмет, требующий размышления	9
Обычный образ жизни	12
Дружба с шахматным мастером	14
В гостях у Тургенева	21
<i>Глава II</i>	
«Война и мир»	26
Шахматы в семье писателя	31
Встречи с Урусовым	34
<i>Глава III</i>	
Шахматные сомнения	39
Московские вечера	44
Двойная работа мысли	47
Поездка в Спасское	53
<i>Глава IV</i>	
Последние годы	59
В Ясной Поляне	63
За шахматной доской	66
<i>Партии Толстого</i>	74
Примечания	80
Именной указатель	87
Библиография	91

Исаак Максович Линдер
«Л. Толстой и шахматы»

Редактор *В. Л. Васильев*
Художественный редактор *А. Е. Золотарева*
Обложка и титул художника *Б. И. Нестеренко*
Технический редактор *А. А. Доценко*
Корректоры *Э. Г. Самылкина* и *В. А. Гейшин*

Изд. № 1980. Сдано в набор 31/V 1960 г. Под-
писано к печати 18/VIII 1960 г. Формат 84×108^{1/32}.
Объем 1,5 бум. л., 3 физ. печ. л., 4,92 усл. печ. л.,
4,82 уч.-изд. л., А08395. Тираж 15000 экз.
Цена 1 р. 45 к., с 1/1 1961 г. цена 15 коп.
Заказ № 589.

Издательство «Физкультура к спорт»
Москва, М. Гнездиновский, 3.
Первая Образцовая типография им. А. А. Жданова
Московского городского совнархоза.
Москва, Ж-54, Валовая, 28.

1 р. 45 к.

С 1/1 1961 г. цена 15 коп.

Физкультура и спорт
1960